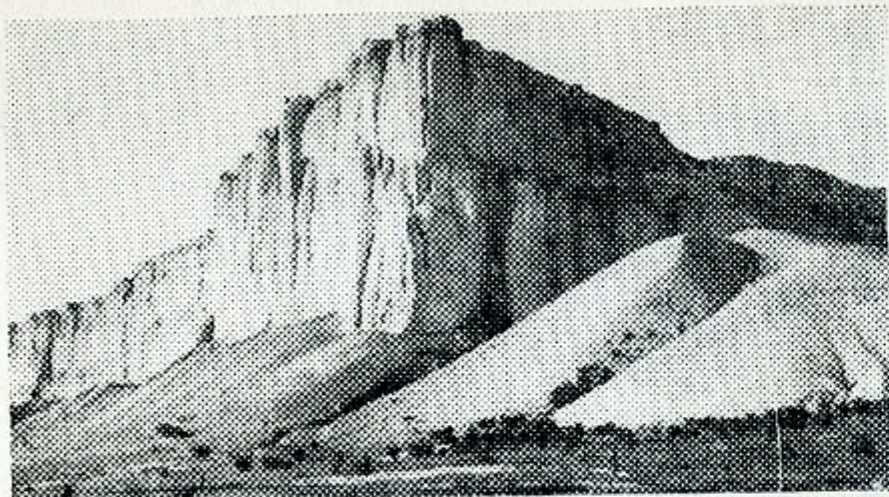

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА

Ю. КОЛОСОВ

БЕЛАЯ СКАЛА

Ю. КОЛОСОВ

БЕЛАЯ СКАЛА

Издательство „Таврия“
 Симферополь — 1977

Книга посвящена древнейшим памятникам Крыма, прежде всего археологическому комплексу Белой скалы (Ак-Кая) неподалеку от Белогорска — одному из крупнейших в нашей стране. Его исследователь, начальник Крымской палеолитической экспедиции кандидат исторических наук Ю. Колосов знакомит читателей с жизнью людей древнекаменного века, их занятиями и бытом, с открытиями археологов, имеющими всеобщее и мировое значение.

Под общей редакцией члена-корреспондента Академии наук УССР
С. Н. БИБИКОВА.

К $\frac{20904-012}{M216(04)-77}$ 32-77

© Издательство «Таврия». 1977

Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны.

К. Маркс и Ф. Энгельс, «Немецкая идеология».

Севернее Белогорска возвышается заметная издалика скальная громада Ак-Кая, или, как ее теперь нередко называют, — Белая скала*. Высота скалы над долиной реки Биюк-Карасу (Большой Карасевки) более ста метров. Если подойти поближе, станет ясно, что обрывистая стена исполина имеет не белый, а кремовый оттенок. Начинаешь замечать и множество гротов и пещер. Их темные зевы та-

* Точный перевод названия «Ак-Кая» на русский язык.

инственны: воображение рисует длинные тоннели, уходящие в мрак неведомых подземелий. Однако чаще всего эти творения матушки-природы оказываются совсем небольшими полостями.

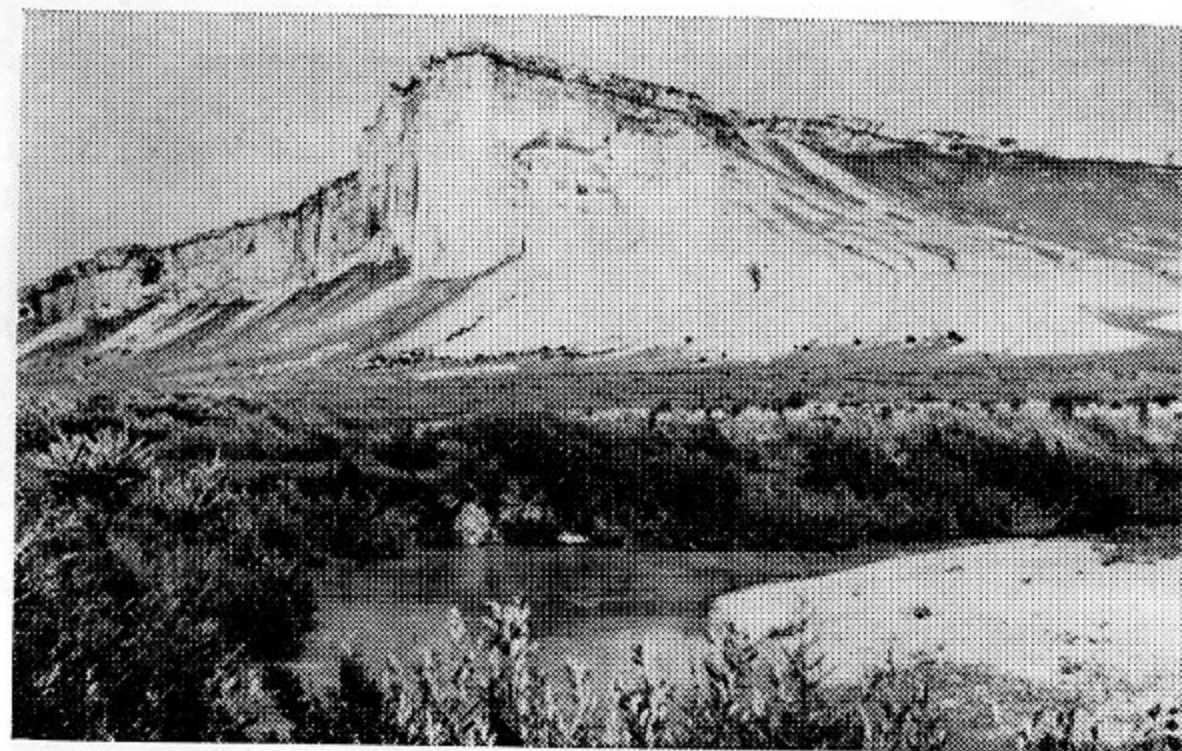
Под слегка нависающим «карнизом» Белой скалы тянутся затейливые рельефные узоры, похожие на диковинные соты. Иногда их так и именуют — соты выветривания. Это так называемые корразии — результат бомбардировки обрывистых скал песчинками горных пород, переносимыми ветром.

Господствующие здесь западные ветры образовали в известняках не только мелкие ячеистые формы, но и круглые «окна», всевозможные ниши, гроты, а также стройные вертикальные «колонны», подпирающие самый верхний ярус — «крышу» Белой скалы. «Крыша» на всем километровом протяжении скалы как бы очерчена горизонтальным «поясом выветривания» шириной около метра, сложенным из нуммулитовых известняков и песчанистых мергелей.

Подножие скалы прикрывают мощные конусы щебенчатых и мергелистых осыпей, изрезанных эрозионными рывтинами и бороздами. Издали они напоминают гигантских осьминогов, протянувших белые щупальца в сторону зеленой чащи пойменных садов. К северу от углового уступа Белой скалы на осыпях начинают встречаться огромные глыбы нуммулитовых известняков, а у самого поворота в балку Красную глыбы образуют хаотический навал, затрудняющий движение по склону.

Таков несколько упрощенный геологический разрез Белой скалы — ее западная стена.

Аналогичная картина наблюдается и в самой балке Красной, которая клином врежется в западный массив скалы на расстояние около 500 м. Приустьевая часть балки в поперечном профиле имеет вид римской циф-

Белая скала (Ак-Кая). На переднем плане — река Биюк-Карасу.

ры V. В связи с тем, что тальвег — наиболее пониженная часть балки — прижат к правому ее борту, левый борт примерно вдвое длиннее. Довольно крутые склоны, особенно левый, покрывает травянистая растительность, состоящая по преимуществу из разнотравно-злаковых видов, а в верхней части, вдоль обрывов, тянутся древесно-кустарниковые заросли из дикой яблони, низкорослого дуба, вяза, клена, боярышника, шиповника, кизила, лещины, терна, скумпии, барбариса... Нередко деревья и кустарники обвиты ломоносом и задрапированы плющом. На самом плато Белой скалы и вокруг верховьев балки, на карбонатных почвах, произрастают лугово-степные травы ^{1*}.

* Ссылки на литературу и источники см. в конце книги.

Балка Красная.

В конце апреля — начале мая левый склон балки покрывается ковром зеленой травы, над которым горят ярко-красные шапочки диких пионов. Старожилы считают, что названием своим балка обязана именно этим цветам.

Склоны балки венчает довольно высокий (10—15 м) обрывистый скальный барьер, сложенный известняками. Подстилающие их песчанистые мергели здесь на поверхность не выходят, так как их покрывает мощная толща делювиальных, т. е. наносного происхождения, суглинков, насыщенная разной величины обломками и щебнем известняка. Это и есть тот массив почвенных напластований, участки которого на протяжении нескольких лет исследовались археологами.

В скальных бортах балки Красной, как и в западной

стене массива Ак-Кая, чернеют разнообразные по форме и величине пещеры. Следует отметить, что пещеры эти находятся на разных стадиях развития и различны по происхождению, но, поскольку это вопрос узкоспециальный, его касаться не будем. Наибольший интерес в данном случае представляют те пустоты, которые связаны со стоянками палеолитического времени².

Таков замечательный природный — геоморфологический — комплекс, таящий в себе одну из наиболее древних страниц истории человека.

Перед тем как приступить к рассказу об исследовании целой группы палеолитических памятников, найденных в этом районе, попытаемся окинуть взглядом проблему в целом. Проблему, в разработку которой входят и археологические раскопки у Белой скалы.

Начнем с краткого описания наиболее изученных памятников этого времени, т. е. древнекаменного века*, расположенных в центральной и западной частях полуострова. Именно на их материалах строилась до сих пор вся характеристика крымского палеолита, именно они получили широкую, мировую известность. Нельзя поэтому не сказать, хотя бы вкратце, о первоисследователях — ученых, с именами которых связаны открытия наиболее значительных палеолитических местонахождений Крыма.

Первым в этом ряду стоит имя русского естествоиспытателя К. С. Мережковского. Он открыл в 1879 — 1880 гг. первые в России памятники мустьерской эпохи — Волчий грот на реке Бештерек (между Феодо-

* Древнекаменный век, или, пользуясь названием общепринятым, вошедшим в научную номенклатуру, палеолит (от греческих слов *palaios* — древний и *lithos* — камень), начинается около 800 тысяч лет назад и завершается примерно в XI—X тысячелетиях до н. э. Подразделяется палеолит на ранний, средний (чаще говорят: мустьерская эпоха, или мустье) и поздний.

сийским шоссе и селом Мазанка) и Кобазы на реке Альме (невдалеке от села Малиновка, тогда — Кобазы). В те же годы он открывает и исследует стоянки позднего палеолита — Сюрень I подле деревни Биюк-Сюрень (нынешнее село Танковое) и Качинский навес на реке Каче, близ деревни Кош-Дегермен (ныне село Предущельное). Таким образом, за два года полевых работ К. С. Мережковскому удалось установить на крымском материале, что и земля России богата памятниками, не уступающими по своей ценности для науки западноевропейским.

Исследование крымского палеолита, прерванное на долгие годы, возобновилось лишь в советское время. Начало новому этапу работ положил видный ученый — археолог и антрополог — Г. А. Бонч-Осмоловский. В 1924 г. он открывает и исследует палеолитическую стоянку в гроте Киик-Коба (верховья реки Зуи), затем раскапывает Шайтан-Кобу (долина реки Бодрак), продолжает исследование Сюрени I и разведку других памятников. В результате наука обогатилась рядом ценнейших статей и трехтомной серией монографий «Палеолит Крыма». Говоря словами С. Н. Бибикова, ученика Г. А. Бонч-Осмоловского, ученый «своими блестящими исследованиями открыл новую страницу в изучении первобытной истории Крыма»³.

Еще одна замечательная стоянка мустьерского времени исследовалась в 1928 г. крымским археологом Н. Л. Эрнстом*. В гроте Чокурча на восточной окраине Симферополя им было добыто большое количество кремневого и остеологического (костного) материала. Однако чокурчинские материалы постигла печальная участь: они почти полностью погибли в годы Великой Отечест-

* Стоянка была открыта краеведом С. И. Забниным.

венной войны. Сейчас о Чокурче можно судить только по статьям Н. Л. Эрнста⁴ да по небольшим подборкам находок, уцелевших в музеях Симферополя и Одессы. Хочется надеяться, что как бы компенсацией за утраченный материал послужит недавно обнаруженная новая мустьерская стоянка — Чокурча II*.

В конце тридцатых годов О. Н. Бадер продолжил работы Мережковского в Волчьем гроте. Ему удалось выделить три культурных горизонта: два мустьерского времени и один позднепалеолитического. Этому памятнику исследователь посвятил несколько статей⁵.

Новым значительным открытием ознаменовался 1952 г., когда А. А. Формозовым была раскопана палеолитическая стоянка Староселье (ныне в городской черте Бахчисарая). Тогда же, в 50-е годы, ученый исследовал уже упоминавшуюся нами мустьерскую стоянку Кобазы и навес того же времени в Холодной балке на реке Булганак (неподалеку от Симферополя). Эти работы нашли отражение в монографии А. А. Формозова⁶ и ряде статей, посвященных палеолиту Крыма.

Таковы основные вехи истории исследований по крымскому палеолиту, начатых почти сто лет назад и продолжающихся в наши дни Крымской палеолитической экспедицией Института археологии АН УССР.

* В 1974 г. исследовалась О. Н. Бадером.

У КОЛЫБЕЛИ ПЛЕМЕН

В науке не раз случалось, что какому-либо открытию предшествовало его предвидение.

Подобное бывает и в археологии: возможность нахождения стоянок палеолитического времени у Ак-Кая отмечалась автором на страницах крымского географического журнала⁷. А спустя семь лет, в 1964 г., геолог В. Ф. Петрунь, проводя разведку, нашел следы палеолитического поселения. На правом склоне балки Красной им было собрано несколько десятков кремневых орудий и несколько сотен

заготовок. По характеру обработки кремня местонахождение датировалось эпохой мустье.

Поскольку в дальнейшем речь будет идти об этом времени, кратко расскажем о том, что оно из себя представляет.

Мустье является одним из древнейших этапов исторического развития человечества. Для мустьерского времени характерен первобытно-общинный строй — первая общественно-экономическая формация, которой были присущи общественная собственность на средства производства и коллективное потребление присваиваемых обществом продуктов.

Эпоха мустье охватывает период времени от сотого до тридцать пятого тысячелетия, считая от рубежа нашей эры. Это сравнительно небольшой отрезок времени, если начало возникновения человечества исчислять двумя с половиной миллионами лет (возможно и больше).

В мустьерскую эпоху вступил палеоантроп* — человек, или, как говорят ученые, ископаемый гоминид, достаточно высоко поднявшийся по долгой и сложной генеалогической лестнице исторического развития. К этому времени иной стала и вся природная обстановка: ландшафт, климат, растительный и животный мир. Во многом происшедшие изменения зависели от оледенений, или гляциалов, которые сменялись промежутками потеплений — интергляциалами. На мустьерскую эпоху, т. е. на жизнь палеоантропов, падают так называемый рисс-вюрмский интергляциал и первая половина вюрмского гляциала**. Климат установился тогда суровый, континентальный. И хотя вюрмское (применительно к нашей территории — валдайское) оледенение не захва-

* Название «палеоантроп» (от греческих слов *palaios* — древний и *anthropos* — человек) — собирательное. По ряду морфологических различий и географическому распространению среди палеоантропов выделяются варианты или подвиды: люди неандертальского типа, родезийского, палестинского и др.

** Рисс и Вюрм — названия мест в Альпах, где впервые обнаружены следы этих оледенений.

тило территорию современной Украины, холодное дыхание ледника ощущалось даже в Крыму. Об этом свидетельствуют (на ряде мустьерских стоянок Крыма) находки характерных представителей арктической фауны: песца, северного оленя, зайца-беляка, белой куропатки, полярного жаворонка. О ландшафте сухих травянистых степей северной части Крыма говорят многочисленные находки костей сайги, лошади, мамонта.

Такова, по-видимому, природная обстановка, окружавшая на крымской земле человека мустьерского времени — неандертальца. От холода, сырости и опасных хищников неандертальцам приходилось, конечно, искать естественные убежища. В предгорном и горном Крыму такими убежищами являлись природные пустоты.

ОБЖИТЫЕ ПЕЩЕРЫ

О некоторых пещерах, служивших жильем палеоантропам, мы уже говорили. Волчий грот был первым в Крыму, обследованным археологами. Шли годы... Небольшая коллекция кремня и кости из Волчьего грота была утеряна, полевая документация отсутствовала. В 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловский (после более чем 30-летнего перерыва) решил возобновить изучение стоянки. Однако пробные его раскопки ничего существенного не дали, и снова Волчий грот более десяти лет не привлекал внимания археологов. Лишь в 1937—1939 гг. О. Н. Бадеру удалось обнаружить культурный слой, который оказался не в самом гроте, а перед ним — на площадке, хорошо защищенной скалами, обступившими ее с трех сторон.

В процессе двухлетних полевых работ была исследована примерно половина площади, заключенной скаль-

ным полуцирком, и открыта многослойная стоянка. На внутренней ее стороне, т. е. в жилище, выявлены скопления костей животных, преимущественно мамонта, особенно значительные в шестом слое (отсчет сверху вниз), а также следы очагов в виде костного и древесного угля. Изучение основного мустьерского (седьмого) слоя позволило предположить наличие «мастерской», где велась обработка кремня. На такую мысль наводят скопления кремневых орудий и осколков в двух местах раскопа.

Археологическая коллекция из Волчьего грота невелика. В верхнем слое, который датировался исследователем как позднепалеолитический, кремни единичны. Наиболее богат находками основной мустьерский слой. Орудия и кремневые отщепы из этого слоя имеют небольшие размеры. Есть тут и кости животных со следами обработки.

Особо должны быть выделены вещи из верхних «горизонтов» восьмого слоя, которые отличаются архаическим обликом и крупными размерами. Фауна этого слоя представлена костями мамонта, сайги, лошади, осла, дикого быка, благородного оленя, песца и других видов животных. В шестом же слое, кроме названных животных, фигурируют северный олень, шерстистый носорог, дикий кабан, пещерная гиена.

Великая Отечественная война прервала исследование стоянки. И только спустя 30 лет сын исследователя Н. О. Бадер продолжил раскопки. В 1968 г. он заложил на площадке раскоп и произвел несколько зондажей на ее периферии.

Позднепалеолитический слой тут не был обнаружен; в верхних ярусах культурных отложений найдено всего несколько тонких ножевидных пластинок. Гораздо больше материала снова дал более ранний, мустьерский слой. В числе находок — бивни, конечности, зубы, ребра и челюсти мамонтов, а также десятки орудий — небольших остроконечников и скребел.

Осенью 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловский проводил археологические разведки близ деревни Тау-Кипчак, расположенной у истоков реки Зуи*. Пробираясь сквозь гу-

* Ныне на месте этого населенного пункта — Балановское водохранилище.

стые заросли леса вдоль обрыва, исследователь неожиданно набрел на широкий и открытый грот. Заложив небольшой разведочный шурф, археолог сразу же обнаружил кремневые изделия и обломки ископаемых костей — остатки древней культуры первобытного человека⁸.

Немногие из местных старожилов знали этот замаскированный зарослями грот. Примечательно, что одно из его названий, теперь забытое, — Киик-Кобасы, что в переводе с крымскотатарского означает «пещера дикаря». Остается неясным, когда и как было дано столь точное имя гроту. Догадался ли кто-нибудь, что хранят его напластования?

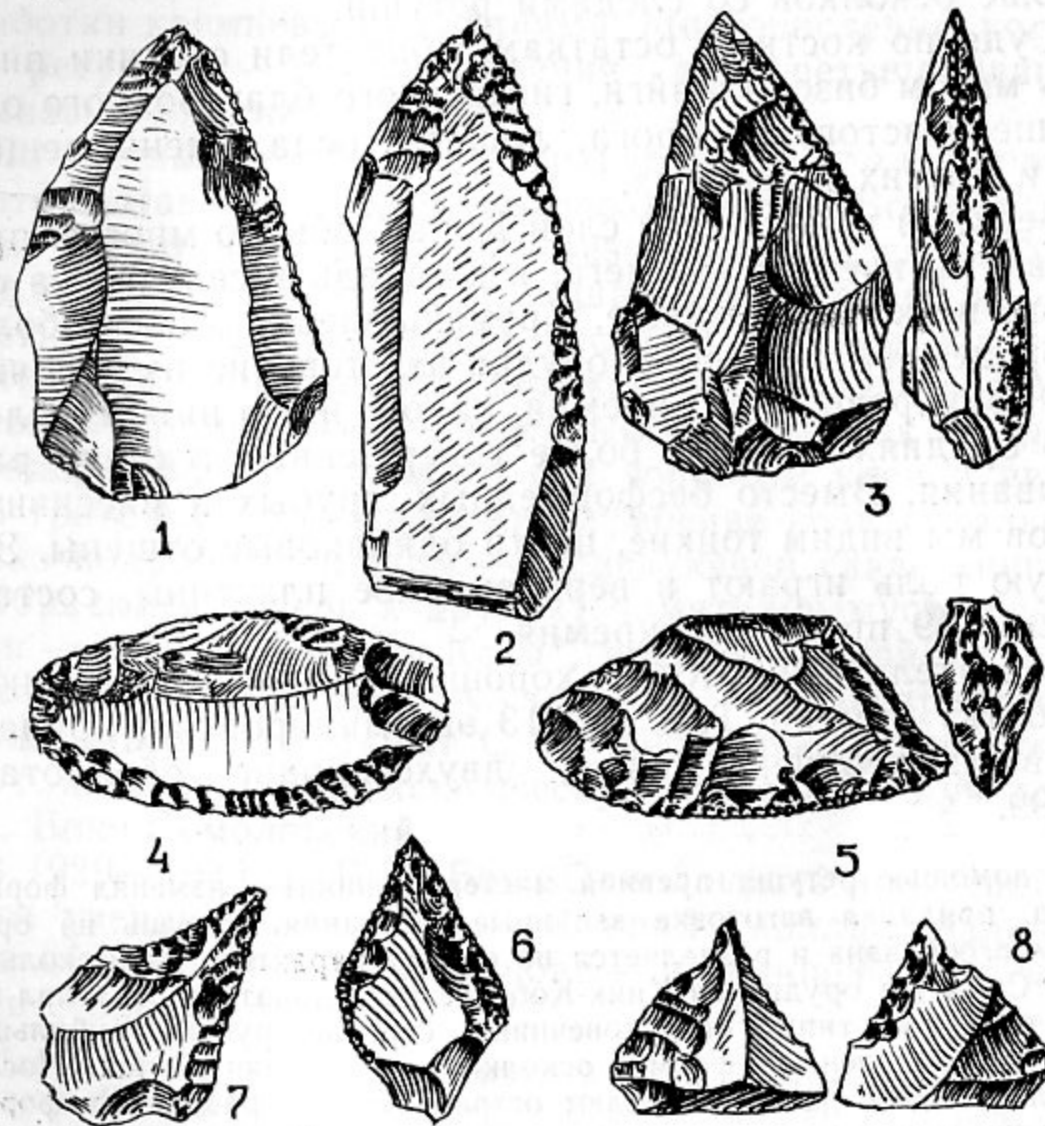
Отметив «любопытное, но, разумеется, случайное значение» этого названия, Г. А. Бонч-Осмоловский остановился на другом, легче произносимом варианте — Киик-Коба («дикая пещера»)⁹.

Грот Киик-Коба находится на правом склоне долины реки Зуи, на высоте 120 м над ее тальвегом. Весь крутой склон от подножия горы до ее скального обрыва зарос лесом. В 75 м от грота вниз по склону находится родник. Грот представляет собой высокую и довольно вместительную нишу глубиной (от края навеса) 9 м; ширина ее 11 и наибольшая высота 9 м. Мощность культурных напластований в гроте была неравномерной. У стен она не превышала 20—30 см, а на склоне достигала местами 1,5 м. На площадке перед гротом лежали большие плиты и огромный кусок скалы от обрушившейся части свода и нависавшего над входом «козырька».

Культурных слоев в гроте два. Нижний дал большое количество кремня (около 13 тысяч экземпляров, в том числе свыше тысячи орудий), но мало кости и древесного угля. Отличительной особенностью кремневого инвентаря являются небольшие размеры орудий. Техника изготовления их стояла на низком уровне: приемы раскалывания кремня еще не выработались. Г. А. Бонч-Осмоловский эту «технику» назвал аморфной. Вторичная обработка заготовок также носила несовершенный характер: как правило, ретушь* грубая, прерывистая, плохо

* В данном случае (как археологический термин) — обработка края орудия путем мелких частых сколов.

оформляющая лезвие орудия. Лишь на небольшом их количестве прослеживается ретушь правильная, хорошо заостряющая рабочий край. По количеству на первом

Мустьерские орудия с односторонней обработкой: 1 — остриекончик со стоянки Мустье (Франция); 2 — остриекончик из Киик-Кобы (верхний слой); 3 — остриекончик из Чокурчи; 4 — скребло со стоянки Мустье; 5, 6 — скребло и миниатюрный наконечник из Чокурчи; 7, 8 — проколки из Мустье и Шайтан-Кобы.

месте — прямые скребла с режущим рабочим краем, за ними — скребла выпуклые. Типичных остроконечников мало, многочисленны орудия неопределенной формы, еще больше осколков со следами ретуши.

Судя по костным остаткам, обитатели стоянки питались мясом бизона, сайги, гигантского благородного оленя, шерстистого носорога, лошади, осла, гиены пещерной и других животных.

Верхний культурный слой Киик-Кобы по многим признакам отличен от нижнего, и площадь заселения на его уровне несколько меньше. Кремень здесь по цвету более однороден. 69 процентов орудий изготовлено из коричневого полупрозрачного кремня, какого нет в нижнем слое.

В орудиях заметна более совершенная техника раскалывания. Вместо бесформенных грубых и массивных сколов мы видим тонкие, почти одинаковые отщепы. Заметную роль играют в верхнем слое пластины, составляющие 19 процентов кремня.

Обитатели Киик-Кобы хорошо знали двустороннюю обработку орудий. Так, из 713 экземпляров их, принадлежавших верхнему слою, двухсторонне обработанных 99.

С помощью ретуши древний мастер полностью изменял форму отщепа, придавая заготовке заданные очертания. Ретушь на орудиях многообразна и разделяется по своему характеру на несколько видов. Сами же орудия из Киик-Кобы ее исследователь разделил на такие основные типы: остроконечники, скребла, ручные рубильца, резцы, неопределенные формы, осколки со следами ретуши. После скребел основное место занимают остроконечники различных форм, однако ни один из них не предназначался для вставления его пятки в рукоятку или древко. И скребла, и остроконечники невелики по размерам: длина и тех и других не превышает нескольких сантиметров (соответственно 5,6 и 7,0 см).

В Киик-Кобе обнаружены и кости животных, использованные в производственных целях. В верхнем слое —

даже своего рода костяные изделия. Примером может служить небольшой обломок шила из трубчатой кости с заполированным острием. Некоторые кости несут следы обработки кремневыми орудиями. Многочисленны костяные ретушеры — приспособления для ретуширования кремневых орудий.

По костям животных из верхнего слоя удалось определить состав местной фауны эпохи мустье. Вот некоторые ее представители: мамонт, бизон, муфлон, сайга, благородный и северный олени, лошадь, осел, дикий кабан, шерстистый носорог, лисица, песец. А судя по зольным остаткам (в обоих слоях), кииккобинцы использовали в качестве топлива такие древесные породы, как можжевельник, крушина; остались под вопросом клен и ива.

В гроте было обнаружено погребение неандертальца, однако подробнее об этом — в следующей главе книги.

Обратимся теперь к другому памятнику мустьерской эпохи — пещере Шайтан-Коба*, расположенной на юго-восточной окраине села Скалистого Бахчисарайского района. Памятник открыт С. Н. Бибиковым, которого в 1928 г. направил в археологическую разведку его учитель Г. А. Бонч-Осмоловский.

В 1929—1930 гг. Г. А. Бонч-Осмоловский при участии своего ученика полностью раскопал напластования в гроте и проследил их на склоне — в траншее, пробитой ими в сторону дороги.

Шайтан-Коба находится на правом берегу речки Бодрак (притока реки Качи), возвышаясь над ней на 21 м. Сам грот невелик: площадь его менее 28 кв. м; глубина не превышает 4 м, наибольшая ширина у входа — 7 м и высота около 2 м. Внимательное изучение «интерьера» показало, что в древности напластования внутри грота были более мощными. Такое заключение основано на том, что на высоте около метра от пола оказался известняковый натек, в ко-

* В переводе — «чертова пещера».

тором найдены кремни, обработанные рукой древнего человека. Г. А. Бонч-Осмоловский считал, что часть напластований вычищена в средневековое время, когда вблизи грота существовал «пещерный город» Бакла.

Толщина культурного слоя Шайтан-Кобы не превышала 30 см, причем археологические материалы распределялись неравномерно: в верхнем ярусе напластований они количественно преобладали. Здесь, примерно в 10 см от современной поверхности, удалось обнаружить очаг размерами 0,5×0,25 м, вокруг которого концентрировалось наибольшее количество кремневых орудий и обломков костей ископаемых животных. Скопления культурных остатков были установлены и на других участках стоянки, особенно на площадке непосредственно у входа в грот.

Благодаря тому, что при раскопках использовалась методика постепенного снятия тонких слоев, к собранному «по горизонтам» материалу удалось применить статистико-типологический метод французских археологов Франсуа Борда и Мориса Бургона. На массовом материале из Шайтан-Кобы (найденно около 25 тысяч кремневых изделий) автор данной книги высчитал процентное отношение определенных типов и групп орудий или их заготовок к общему количеству заготовок. А это в свою очередь дало возможность более объективно и полно выявить не только количественные технические и типологические показатели, но и изучить техническую специфику всей каменной «индустрии» данного памятника.

Ее характеризует так называемая леваллуазская техника раскалывания кремня. Техника леваллуа (по названию местности близ Парижа, где найдены заготовки и орудия определенного типа) существовала на протяжении всей мустьерской эпохи и позже. С ее помощью древний мастер мог получать отщепы и пластины одного «стандарта», что резко повысило производительность труда. «Появ-

ление новой техники, — пишет В. П. Любин, — явилось актом всемирно-исторического значения, крупнейшим техническим достижением эпохи нижнего палеолита, под знаком которого происходил дальнейший технический прогресс не только во второй половине нижнего палеолита, но и в палеолите верхнем»¹⁰.

Метод Борда — Бургона позволил установить на стоянке наличие двух культурно-исторических «горизонтов». Материал из них, прослеженный во времени, свидетельствует о постепенном развитии кремневых орудий как в типологическом, так и в техническом отношении.

Каменные орудия шайтанкобинцев изготовлены преимущественно из мелового кремня серых оттенков. Из орудий, подвергшихся вторичной обработке ретушью, наиболее многочисленны разнообразные типы скребел и ножей. На втором месте стоят острия, а затем орудия зубчатые, выемчатые, остроконечники и т. д. Наибольшее количество кремневого материала (ядрищ, заготовок, орудий) было добыто в выкопанной на склоне перед гротом траншее.

Собранные в Шайтан-Кобе кости животных говорят о преобладании двух видов — сайги и дикого осла. Остальные — мамонт, бизон, олень благородный, лошадь, северный олень, песец — представлены костями единичных особей. Обнаружены также кости птиц: серой куропатки, дикого голубя, галки, белобрюхого и обычного стрижей, сороки.

В заключение познакомим читателя со стоянкой в Староселье — на южной окраине Бахчисарая. Стоянка — навес — находится в балке Канлы-Дере («кровавое ущелье»), одной из многочисленных узких и коротких балок левого берега речки Чурук-Су. Хотя и велик этот навес, имеющий вид двух сомкнутых ниш (площадь около 600 кв. м), его не видно с дороги, поскольку он прячется за небольшим поворотом балки.

Старосельский навес, обращенный на запад, хорошо

защищен стенами ущелья от холодных северных и восточных ветров. Слева от устья балки расположен источник, почти рядом, всего в 200 м, — речка Чурук-Су. Все эти благоприятные условия, несомненно, были учтены обитавшей здесь первобытной общиной.

За пять лет работ археолог А. А. Формозов исследовал более 250 кв. м площади этой стоянки. В результате было выявлено два культурных слоя, разделенных обвалом известняковых плит. Оба слоя содержали культурные остатки мустьерского времени, заключенные в почти четырехметровой толще щебнистых напластований.

Исследователь отмечает, что количество и состав находок в слоях (или «горизонтах») различны. Первый (сверху) оказался сравнительно беден, а материал его рассредоточен был по всей площади навеса; материал второго, весьма обильный, в определенных местах образовывал целые скопления. Кроме костей животных и кремневых изделий, в обоих горизонтах зафиксированы остатки размытых кострищ в виде так называемых зольных пятен. В первом горизонте таких «пятен» обнаружено два, во втором — тринадцать.

Беспорядочная рассеянность материала в одних местах и скопления его в других объясняются тем, что потоки дождевой воды, низвергавшиеся с плато у южной стороны навеса, размывали под ним грунт. Поэтому кость и кремнь могли быть перенесены водой с высоких участков на более низкие.

Размыв напластований стоянки происходил и в период жизни на ней мустьерцев. Когда сели* затопляли площадку навеса, человек на время покидал его, а затем снова возвращался. Об этом свидетельствуют прослойки «стерильного», намытого водой гравия. Судя по всему, лишь исключительно удобное местоположение навеса (о чем мы уже говорили) заставляло старосельцев мириться с такого рода неудобствами.

В послемустьерское время накопление селевых отложений под

* Кратковременные бурные грязекаменные потоки.

навесом прекратилось, ибо стал глубже тальвег и вода уже не могла проникать на площадку навеса. В настоящее время вода в балке появляется только после снежной зимы или сильных ливней.

Значительная часть орудий, добытых при раскопках, изготовлена из черного кремня, который всегда был у старосельцев под рукой. Есть, однако, орудия — и их немало — из значительно лучшего по качеству, кремня серых оттенков. Последний и теперь в виде естественных кремневых россыпей встречается в 7 км к востоку от Староселья — в районе села Прохладного (б. Мангуш). А около 5 процентов всей кремневой коллекции приходится на кремнь табачно-желтого цвета, месторождения которого известны в галечниках реки Качи.

Наряду с разнообразными типами нуклеусов*, на стоянке выявлено 734 орудия, в том числе 87 с двусторонней обработкой. Наиболее многочисленной группой орудий (до 70 процентов) являются скребла и скребла-ножи. Немало и остроконечников разных типов — односторонних и двусторонних, симметричных, асимметричных («клювовидных»). Обращают на себя внимание двусторонне обработанные листовидные наконечники копий и наконечники — тоже листовидные — односторонней обработки. В небольшом количестве обнаружены резцы, скребки, отщепы с подтеской на брюшке.

При просмотре костей животных удалось выявить более двух сотен со следами работы. Это кости с повреждениями, нанесенными при разделке туш животных, и многочисленные «наковаленки».

Обильным оказался и костный материал Староселья

* Нуклеус — первичная заготовка из предварительно обколотого кремневого (кварцитового и т. п.) желвака для изготовления полуфабрикатов орудий — отщепов или ножевидных пластин. — Ред.

(около 80 ящиков). В Зоологическом институте АН СССР обработано около 60 000 костей. Судя по ним, преобладающим объектом охоты старосельцев был дикий осел (287 особей).

Интересна стоянка не только культурными остатками, но останками самого человека — погребением ребенка. Однако о нем, как и о найденном археологами в Киик-Кобе, речь пойдет в специальном разделе.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ПРОМЕТЕЯ

Прежде чем селиться в пещерах, люди должны были изгнать их обитателей — пещерных медведей, гиен.

В заселении пещер неандертальцам помогал огонь. Этой грозной силой первобытные люди овладели задолго до мустьерской эпохи. Отдельные, порой незначительные по толщине, кострища и очаги, найденные в домустьерских и раннемустьерских слоях многочисленных стоянок Старого Света, — вот доказательства освоения человеком огня, которыми располагают археологи. С помощью искусственно добытого пламени неандертальцы могли не только изгонять из пещер зверей и защищаться от них, но и охотиться на стадных животных, обогреться у костра, поджаривать дичь, освещать темные своды пещер и т. д. Вообще с момента открытия огня вся жизнь человечества была связана с очагами. Разжигать их оно никогда уже больше не переставало.

Об этом важном открытии Ф. Энгельс писал: «...добывание огня трением впервые доставило человеку господство над определенной силой природы и тем окончательно отделило человека от животного царства»¹¹.

Как именно впервые добыл человек огонь? Длительным трением дерева о дерево, ударом кремня о кремень или кремня о случайно найденный пирит? Древнегреческий миф о похищении Прометеем — ради блага людей — небесного пламени уходит корнями в глубочайшую древность и, быть может, напоминает об использовании человеком огня, вспыхнувшего после удара молнии... Никаких предметных следов искусственного добывания огня та далекая эпоха нам не оставила.

Но вернемся к жилищам мустьерцев. Там, где не было пещер, мустьерские стоянки располагались на склонах балок, впадающих в речные долины. Не однажды было зафиксировано археологами сооружение первобытного юртообразного жилища, построенного из обтянутых шкурами жердей или костей крупных животных, преимущественно мамонтов. Реконструкция подобного жилища на мустьерской стоянке Молодово I (Черновицкая область) опирается на находку крупных костей и бивней мамонтов, расположенных в виде овального кольца¹².

Таким образом, уже в мустьерское, а не в позднелеолитическое, время (как ранее считалось) возникло примитивное строительство.

Признаки строительных сооружений прослеживаются и на пещерных стоянках Крыма. Сейчас большинство исследователей считает, что крупное скопление костей мамонтов, обнаруженное в гроте Чокурча, являлось не чем иным, как остатками искусственного жилища.

Интересные данные были получены в последние годы при изучении чертежей мустьерской стоянки в гроте Киик-Коба. Оказалось, что в восточной ее части культурный слой четко обрывался по прямой линии. Наиболее вероятно, что в этом месте в древности стоял глухой заслон, защищавший жилую часть грота от резких юго-восточных ветров¹³.

Сооружали жилища и заслоны не только из костей животных и дерева, но и с помощью камня. Ведь камень самый благодарный строительный материал, к тому же в горных районах Крыма он встречается на каждом шагу. Камня так много, что его обилие на пещерных стоянках и вокруг них препятствует выявлению каменных искусственных сооружений. Их распознавание затруднительно потому, что древнейшие строители никакого связующего раствора не знали, камень на камень укладывали насухо и без обработки. Попробуй тут разберись: где каменный завал естественного происхождения, а где связанный с деятельностью человека!..

Легче распознаются остатки каменных вымосток или барьеров, прикрывавших входные отверстия больших гротов и навесов. Совершенно очевидно, что при сооружении таких загородей мустьерцы могли использовать и естественные нагромождения скальных глыб, заполняя промежутки между ними навалом или кладкой из более мелких камней.

Приведем пример. На мустьерской стоянке Волчий грот был выявлен мощный каменный навал, вытянувшийся параллельно стенке скального амфитеатра. Культурный слой доходил только до навала, не распространяясь далее. Выяснилось, что мустьерцы Волчьего грота использовали это естественное нагромождение в качестве ограды.

Скажем, забегая вперед, что и у Белой скалы на трех стоянках тоже обнаружены большие скопления камней. Однако в двух случаях разбросанность камней, преимущественно на склонах, пока что не позволяет усматривать в них какие-либо сооружения. Только на одной стоянке (Заскальная V) на небольшом участке удалось проследить ряд довольно крупных камней, поставленных на ребро и плотно примыкавших друг к другу в слегка наклонном положении. Линия камней, отстоявшая от задней стенки грота на 5 м, достигала в длину около 3 м. Допустимо предположить, что эти камни и есть остатки «стен», некогда загораживавшей вход в пещеру. Прояснится этот вопрос лишь тогда, когда будет раскопана вся площадь стоянки.

Говоря о жилищах и их неотъемлемых атрибутах — очагах, отметим, что топливом служили наверняка не только дерево, редкое для этих мест, но и травянистая растительность, а также помет и кости животных. Свежие, насыщенные «органикой» кости, сгорая, дают длительный и хороший жар. Костный уголь в качестве остатков топлива на ряде мустьерских стоянок преобладал. Этот факт можно объяснить тем, что травянистое топливо выгорало почти без остатка.

Отметим, что предположение о недостатке древесного топлива опирается на фактические данные, полученные в результате анализа пыльцы растений из верхнего мустьерского культурного слоя грота Киик-Коба. Анализ показал резкое преобладание травянистых растений (87,5 процента) над пылью древесных (12,5). Среди последних преобладали береза (56,7) и сосна (21,7 процента).

На всех этапах мустье основным видом хозяйства была охота на животных. Она дополнялась собирательством диких плодов и ягод, грибов, корней, разнообразных трав. Этнографические примеры из жизни отсталых племен подсказывают нам, что люди эпохи мустье не брезговали никакой «живностью». Можно себе представить, как, ожидая мужчин с охоты, женщины и дети ловили вблизи своего жилья ящериц, мышей, откапывали червей, собирали улиток, жуков и тут же жадно поедали всю эту «снесь». Только удачная охота на крупных животных могла на какое-то время насытить людей. Но ведь не каждый же раз охотники возвращались с добычей...

В древнекаменном веке человек большую часть своей жизни находился в полуголодном состоянии. «Что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок природы, — писал В. И. Ленин, — это глупая

побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»¹⁴.

Находки на мустьерских стоянках изделий из кости — примитивных проколов и шильев — свидетельствуют о том, что неандертальцы уже научились изготавливать одежду из шкур убитых животных.

Строя жилища, охотясь на животных, обрабатывая их шкуры, первобытный человек не мог обойтись без каменных орудий труда и охоты. Далекий предок неандертальца, живший полтора-два миллиона лет назад, был первым, кто несколькими сколами заострил поднятую гальку, тем самым изготовив первое в мире орудие труда. «Труд создал самого человека», — писал Ф. Энгельс¹⁵.

По-видимому, с момента возникновения орудий каменных широко применялись и деревянные. Однако последние почти никогда не сохраняются. Из каменных наиболее часто встречаются кремневые изделия, ибо среди минеральных образований кремнь по распространенности не имеет себе равных. Первобытный человек давно подметил необыкновенные свойства этого минерала: кремнь тверд, при ударе в любом нужном направлении хорошо раскалывается на тонкие и острые отщепы и пластины. Там, где кремня нет, его заменяли сходными с ним камнями: роговиком, халцедоном, яшмой, обсидианом или же применяли менее твердые минералы, но также имеющие свойство раскалываться: кварцит, кремнистый известняк и т. п.

В мустьерскую эпоху совершенствуется техника обработки кремня, значительно увеличивается набор типов орудий. Благодаря разнообразным приемам вторичной обработки древний мастер изготавливал прекрасные орудия труда и охоты, по изяществу и красоте порой не уступающие лучшим образцам позднепалеолитического времени. Наиболее распространены в эпоху мустье нож, скребло, остроконечник.

Размеры орудий были самыми разнообразными: от нескольких сантиметров (микроорудия) до 15 и более сантиметров в длину (макроорудия). Ими можно было резать, скоблить, прокалывать и т. п. При Ленинградском отделении Института археологии

АН СССР есть специальная лаборатория, в которой исследуются орудия эпохи камня и по следам употребления устанавливается их функциональное назначение.

В последнее десятилетие с помощью статистико-типологического метода удается классифицировать памятники по типам кремневых орудий¹⁶. Это открывает возможность выделить различные мустьерские культуры. В Крыму сейчас их можно различить две: кииккобинскую и аккайскую, или белогорскую.

Одним из наиболее трудных вопросов остается реконструкция самого палеолитического общества. Ясно ведь: чем отдаленнее от нас эпоха, тем меньше данных для ее изучения. Не всегда могут помочь и этнографические параллели, так как ни одно из отсталых современных племен не находится на уровне мустьерской эпохи.

И все же, несмотря на трудности, за последние 15—20 лет сделано немало. Еще недавно считалось, что мустьерцы вели бродячий образ жизни, не знали обряда погребения, не строили долговременных искусственных жилищ. Новые материалы заставляют пересмотреть эти положения.

Сегодня можно считать доказанным, что мустьерцы жили оседло. На стоянках под открытым небом они строили долговременные жилища; живя в пещерах, перед входами в них сооружали каменные заслоны, а иногда вымещивали площадки галькой или известняковыми плитами. Появился у них, как увидим далее, и обряд захоронения умерших, что свидетельствует о зарождении идеологических представлений. Можно говорить и о том, что в эпоху мустье возникает первое разделение труда — между мужчиной и женщиной.

Какая социальная общность соответствует мустьерской культуре? С культурой позднего палеолита связы-

вают племенную организацию первобытного общества, иными словами — родовой строй. Что касается мустье, то это была еще более ранняя ступень развития — тогда лишь начинало складываться племенное устройство.

КЛЮЧ К ПРОБЛЕМЕ

Для археолога находка каменных орудий всегда связана с надеждой открытия стоянки. Но это, как правило, только начало долгих, кропотливых и порой тщетных поисков. Ведь предстоит перейти от собирания кремня с поверхности к другому этапу — трудоемкому и, пожалуй, самому волнующему — шурфовке в районе собранных находок. Можно заложить много шурфов, а культурного слоя так и не найти.

Дело в том, что палеолитические стоянки чаще всего находятся или на очень большой глубине, в мощных толщах лессовых напластований (на открытых пространствах Восточной Европы), или же встречаются (например, в Крыму) в пещерах гор и предгорий, т. е. в известняках, гипсах, доломитах, мергелях... В горных условиях очень трудно установить первоначальное местозалегание той или иной кремневой находки, так как склоны балок, на которых обычно располагались палеолитические стоянки, покрыты зачастую мощными шлейфами оползней. Копать же, не установив, откуда взялся кремень, всегда рискованно, так как можно перелопатить сотни кубометров пустой породы и ничего не обнаружить.

Открытие палеолитической стоянки в пещере тоже связано со своими специфическими трудностями. Во всех пещерах, как правило, наблюдаются обвалы крупных камней, а то и блоков: «пробиться» через них к культурным отложениям — проблема не из легких. Необходимы безграничная настойчивость и адское терпение... Известны случаи, когда исследователь, столкнувшись с подобными препятствиями, прекращал углубление шурфа за несколько десятков сантиметров от культурного слоя... Приходил другой археолог и открывал то, к чему стремился, но чего так и не достиг его нетерпеливый предшественник.

Пещерные раскопки часто затруднительны из-за отсутствия дневного света, тесноты подземной камеры, невозможности удалить накопленную землю, постоянной сырости и других неблагоприятных условий.

Как уже знает читатель, в случае с Белой скалой обработанный кремень оказался в средней части балки Красной. Казалось бы, район поисков стоянки сужается, поскольку средняя часть балки занимает участок протяженностью около 100 метров. При тщательном же осмотре оказалось, что обработанный кремень встречается по всему правому склону и даже за его пределами.

Итак, вместо ста метров — тысяча!.. И на этом километровой отрезке — многочисленные навесы, гроты, пещеры, замаскированные густой зеленью кустарников и мелких колючих деревьев. Не в одном, а в нескольких такого рода укрытиях, если судить по подъемному материалу, могли обитать палеолитические люди...

Так рассуждали мы, основываясь на привычном, глубоко укоренившемся представлении о том, что все палеолитические стоянки Крыма находятся в пещерах. Вспомним знаменитые Киик-Кобу или Шайтан-Кобу, Староселье, Волчий грот, навес в Холодной балке!..

Каково же было наше разочарование, когда мы ни в одной из прошурфованных пещер Ак-Кая не обнаружили культурных отложений палеолитического времени! Где же они, эти стоянки?.. Рассчитывали найти несколько, а не нашли ни одной!

Было над чем задуматься. Пришлось отложить кирки и лопаты, еще раз изучить местность.

Попробуем мысленно «уйти» в далекое прошлое, представить себе аккайский ландшафт 50 тысяч лет назад, сопоставить его с современной природной обстановкой. Иными словами, проследить, как изменялась местность на протяжении длительного времени.

Начало раскопок стоянки Заскальной VI. Удаление скальной глыбы — рухнувшего козырька древнего навеса.

При внимательном изучении правого склона балки Красной и северо-западного склона Белой скалы, особенно под вечер, когда косые лучи заходящего солнца подчеркивают неровности рельефа, у подножия скалистой стены выделяются своего рода валообразные насыпи. Они постепенно расширяются книзу и переходят в почти ровную поверхность склона. По ним хаотически разбросаны обомшелые скальные глыбы и камни. Одни — величиной с кулак, другие — диаметром до десяти и более метров. Камни-великаны весят много тонн, сдвинуть

их с места невозможно даже мощнейшей современной техникой.

При взгляде на каменный хаос иные полагали, что налицо оторвавшиеся части козырьков и сводов природных полостей. Однако находились и противники такой гипотезы: «А может быть, это выходы коренных пород?»

Решился спор ударом молотка. Разумеется, геологического — по камню. Достаточно было отбить по образцу от всех сомнительных пород, чтобы стало понятно, что все они обломочного происхождения. Об этом свидетельствовала характерная для них фауна — нуммулиты. Коренные же породы тут, как мы уже знаем, состоят из песчаников и мергелей, подстилающих нуммулитовые известняки.

Итак, склон усеян продуктами обрушения козырьков и сводов некогда существовавших в балке гротов и навесов. На протяжении десятков тысяч лет шел непрерывный процесс рождения и отмирания пещерных полостей. Процесс этот в различные периоды ускорялся землетрясениями и тектоническими подвижками. Одни глыбы полностью «вросли» в землю, другие наполовину, третьи слегка занесены почвами. Чем глубже в грунт «ушла» глыба, тем она старше, тем давнее произошел обвал.

На валообразных насыпях — от подножия обрывистой скалы до самого тальвега балки — встречаются образцы обработанного кремня. Учитывая все эти данные, т. е. валообразные насыпи, обломки на них и археологические находки, можно предположительно выделить такие участки, где могут оказаться более обильные следы проживания человека палеолитического времени. Таких (пока условных) палеолитических местонахождений по всему правому склону балки Красной, а также за ее поворотом, вплоть до окончания скального барьера Ак-Кая, было насчитано тринадцать.

Отныне места будущих раскопок известны: все они — валообразные насыпи. Копать, конечно, целесообразнее в их центре, у самого подножия обрывистых скал. Каждый участок, под которым есть подобная насыпь, является не чем иным, как задней стеной существовавшего в древности навеса или грота.

Для начала мы выбрали наиболее крупную, сегментовидную в сечении насыпь, расположенную почти в середине балки. Ей дано и название — Заскальная, номер пятый. В центре ее, непосредственно у подножия скальной стены, заложили шурф и на глубине больше одного метра, к великой нашей радости, обнаружили культурный слой, насыщенный обработанным кремнем: отщепы, тончайшие кремневые чешуйки, большие, едва обколотые желваки, орудия, а также разбитые и обгорелые кости животных, костный уголь.

На месте этого праха и тлена, спрессованного тысячами, жили некогда далекие наши предки — аборигены Белой скалы.

Время разрушило мустьерские «квартиры» — естественные гроты и навесы, и ныне стоянки оказались под открытым небом. Забегая вперед, скажем, что и на других валообразных насыпях — Ак-Кая III, Заскальные III, VI, IX — в последующие годы найдены мустьерские стоянки. И не только в балке Красной и у Белой скалы. Примерно в трех километрах к западу от них, у Желтой скалы (Сары-Кая), выявлены четыре пункта палеолитического времени, а на юго-западной окраине села Пролом, что на реке Кучук-Карасу, — еще один замечательный памятник мустьерской эпохи, известный ныне под названием грот Пролом*.

Теперь можно надеяться, что подобранным у Белой

* В 10 км к востоку от Ак-Кая.

скалы «ключом» в будущем удастся открыть еще не одну палеолитическую стоянку в различных местах горного и предгорного Крыма.

В заключение ответим на вопрос: почему отсутствует палеолитический культурный слой в гротах и пещерах Белой скалы? Ответ прост: пещеры слишком молоды. Во времена неандертальцев подавляющее их большинство находилось в зачаточном состоянии.

МУСТЬЕРСКИЙ „ГОРОД“

После того как был нащупан культурный слой, на стоянке Заскальной V начались раскопки.

Раскоп площадью 12 кв. м мы «прирезали» к разведочному шурфу с тем, чтобы, копая вширь, не терять из виду простираение культурного слоя. Сначала были сняты верхние, натуральные накопления грунта, не содержавшие никаких вещей, а затем расчищен многослойный пласт, насыщенный археологическими находками.

Культурные отложения скрывал светло-желтый детритовый песок, состоящий из мелких, не превышающих 1 мм в диаметре, обломков раковин фораминифер. Такой песок можно встретить на правом склоне балки Красной — там, где есть или некогда существовали пещеры. Карбонатный детрит является продуктом разрушения их стен и сводов, которое было связано, по-видимому, с вюрмским оледенением.

Климат в то время, как уже знает читатель, изменился. Холодные ночи сменялись довольно теплыми днями. В результате резких температурных колебаний происходил интенсивный процесс шелушения пещерных камер и их дно в течение тысячелетий покрывалось мелким детритом и щебенкой. Такой же песок прослеживается на дне современных гротов и навесов балки Красной, но в них мощность его незначительна. На стоянке же Заскальной V толща песка превышала четыре метра.

Сколько долго продолжался этот процесс? Является ли мощность подобных отложений показателем его длительности?

Сейчас можно говорить с уверенностью лишь о том, что в разных пещерах продолжительность накопления детрита будет различной. Причин много: в первую очередь возраст самой пещеры, состав породы, в которой она образовалась, ориентация входного отверстия по странам света и ряд других.

Например, в гроте Киик-Коба оказалось в среднем всего полтора метра отложений, в которых заключено два одновременных культурных слоя. Оба они накопились в течение примерно 100 тысяч лет. Иная картина на стоянке Старосельской: здесь в четырехметровой толще аналогичных напластований культурный слой намного моложе. А на Заскальной V при той же толщине отложений зафиксировано шесть культурных слоев мустьерского времени. Они залегают почти горизонтально, один над другим, последовательно отражая ход времени и этапы жизни первобытных общин.

Таким образом, под сводами каждого обжитого грота слои накапливались один над другим, как бы этаж за этажом. Шесть раз заселяли и столько же раз покидали свой грот древние охотники Заскальной V. Какой же продолжительности были перерывы между каждым очередным заселением и как долго оно длилось? На эти вопросы могут ответить лишь данные анализа костного угля, взятого из каждого культурного слоя.

Правда, сравнивая мощность культурных слоев, их большую или меньшую насыщенность археологическими находками, учитывая наличие или отсутствие в них очагов, можно тоже извлечь определенную и весьма любопытную информацию, что мы и попытаемся сделать.

Рассмотрим культурные наслоения поочередно — сверху вниз, в той ретроспективной последовательности, в которой неизбежно ведутся археологические раскопки.

В первом (верхнем) слое, залегавшем на глубине в среднем 1,5 м от современной поверхности, найден разнообразный материал: кремневые орудия и отходы производства — отщепы и чешуйки, расколотые кости животных, редкие, рассеянные по всей площади частицы костного угля. Количество находок и мощность слоя возрастают у восточного края раскопа. Возможно, вскрыта

На дне раскопа. Стоянка Заскальная V.

пока лишь окраина поселения, а в будущем удастся попасть и на центральный его участок. Если же догадка наша не подтвердится, то поселение первого (т. е. наи-

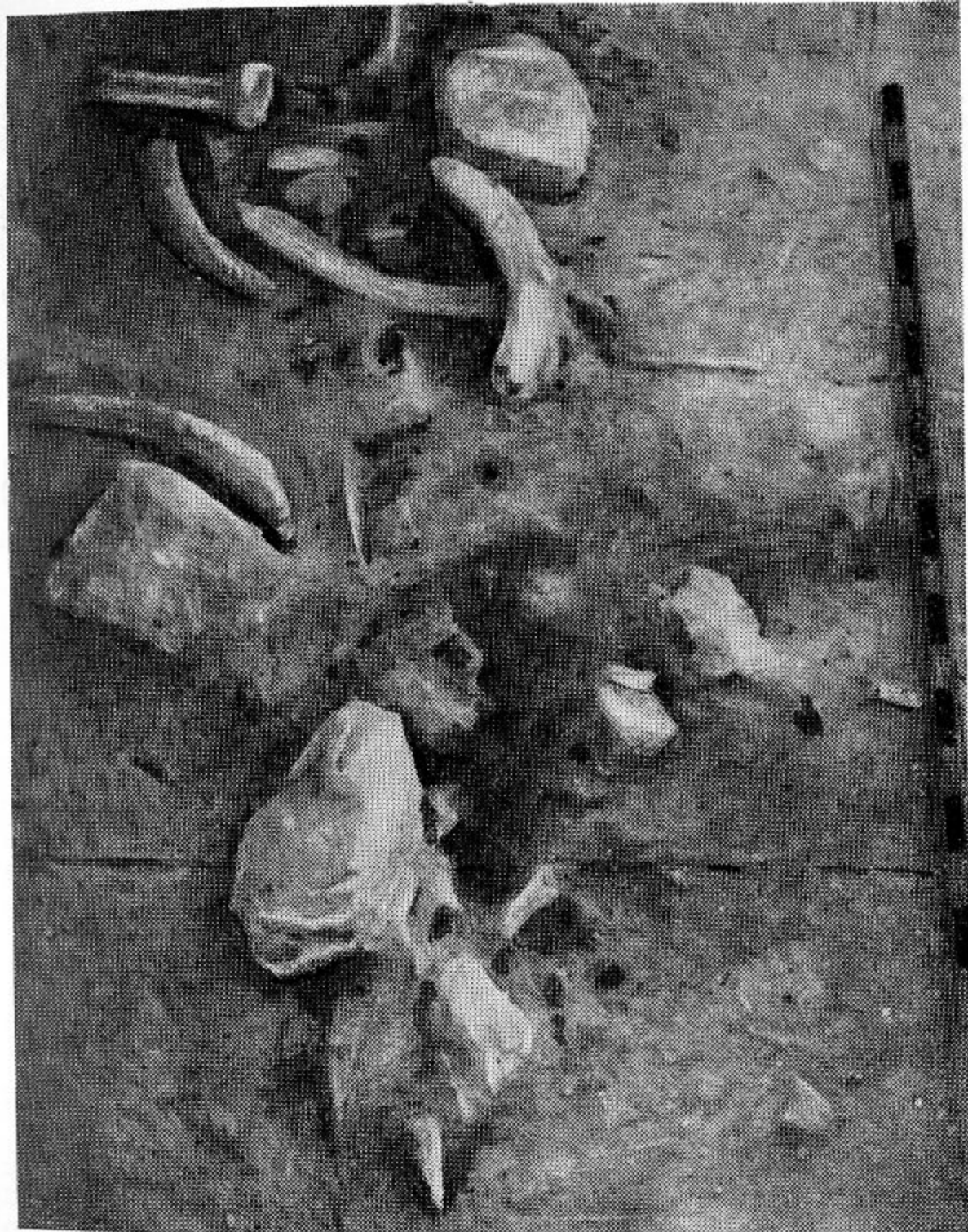
более позднего) слоя придется считать кратковременной стоянкой древних охотников.

Более интересную картину являет собой второй культурный «горизонт». Он залегал на глубине в среднем 2,7 м от современной поверхности. Когда же была тщательно зачищена древняя поверхность, по которой ходил мустьерский человек, глазам археологов приоткрылась и часть его жилья.

В северо-западном углу раскопа зафиксировано скопление костей мамонта. Здесь найдено четыре больших куска бивней, целые и обломанные конечности, часть лопатки. Рядом оказался овальной формы камень, а вокруг огромное количество отходов кремневого производства — осколков, мелких чешуек. Много обнаружено законченных кремневых орудий, а также заготовок — отщепов и пластин. Невдалеке лежало еще два камня, а возле них два обломка бивней мамонта и кости других зверей. Одним словом, крупные и мелкие обломки костей животных, равно как и кремнь, устилали площадь раскопа настолько густо, что некуда было поставить ногу.

Посреди раскопа, ближе к северной его стороне, у скалы, открыты остатки большого очага, окруженного овальными камнями, которые, быть может, служили обитателям стоянки своего рода стульями.

Третий культурный слой, как и предыдущие, содержал множество кремня, костей животных, костного угля. Однако еще более мощным (до 0,5 м) и богатым оказался четвертый культурный слой. Он четко выделяется своим бурым оттенком на светло-желтом фоне детрита. Темная окраска объясняется наличием огромной массы костного угля. Примечателен и другой факт. Предварительные подсчеты показали, что только в четырехсантиметровой толще слоя на площади в один квадратный метр содержалось 700 экземпляров кремня. Такого

Заскальная V, второй культурный слой (бивни и кости мамонтов, кости других животных, кремневые орудия).

обилия кремневого материала на мустьерских стоянках Крыма еще не встречалось!

Как и во втором культурном слое, здесь выявлено скопление крупных костей животных, сконцентрированных на южном участке, ближе к склону балки. Три крупных обломка бивней мамонта лежали близко друг к другу, как бы окаймляя очажное потемнение, из которого извлечено много обуглившихся костей животных, мелких сколов кремня. В центре полукруга из бивней находился камень, а рядом несколько плохо сохранившихся костей мамонта. Под четвертым слоем осталось еще три неизученных, которые предстоит исследовать в будущем.

Не менее интересная картина ожидала нас на другой стоянке — Заскальной VI, расположенной на том же правом склоне балки Красной, в 70 м от описанного выше грота.

Здесь, как и на Заскальной V, в древности существовал большой навес или грот, в котором жили мустьерцы. Навес полностью разрушился, однако на сей раз не понадобилось искать доказательств разрушения, а тем самым и существования древнего навеса: часть его козырька рухнула на стоянку и местами выступает на поверхность.

Как и в первом случае, раскопки начались с середины валообразной насыпи, с таким же, как и на пятой стоянке, составом отложений, только менее мощных.

У самого обрыва на площади 4 кв. м был «выбран» первый культурный слой, содержащий характерные для мустьерского времени кремневые орудия: остроконечники, скребла, ножи.

Второй «горизонт» превзошел все ожидания. Обвалившийся козырек навеса законсервировал все так, как было десятки тысяч лет назад. Коллекция наша пополнилась

множеством кремневых орудий и отходов их производства, костями животных — мамонта, осла, лошади, сайги. Трудно, да и едва ли нужно все перечислять. Из орудий отметим такой специфический тип, как, например, ножи двусторонней обработки с площадками для упора пальца руки.

На северном участке раскопа, вблизи края очажного пятна, обнаружена интересная бытовая деталь: неглубокая воронкообразная ямка, в которой одно на другом лежали восемь двусторонне обработанных орудий — ножей, остроконечников, скребел. Этот запас — своеобразный «клад» древнекаменного века — был спрятан подале от входа, у задней стенки навеса.

В третьем культурном слое, кроме остатков очага и множества кремней и костей животных, оказалась находка крайне редкая — костные останки самого неандертальца. Рядом с обломками его нижней челюсти и других костей (подробности ниже) лежали и кости животных: крупной дикой лошади, мамонта, осла, сайги, а также разнообразный набор кремневых орудий, нуклеусов, отщепов. Большую ценность представляет целый наконечник копья из серого, покрытого беловатой патиной, кремня.

На расстоянии приблизительно 1 м от фрагмента челюсти неандертальца экспедиции удалось открыть потревоженное детское погребение. Еще глубже залегали три этажа культурных слоев, а затем скалистое дно разрушившегося навеса.

Из слоев этих наиболее выразителен четвертый. Состав фауны здесь примерно тот же, что и в вышележащих: мамонт, крупный вид лошади, сайга, северный олень, носорог. Что же касается кремневых заготовок и орудий, то и цвет их и техника обработки иные. Преобладающее количество кремня имеет патину с пепельным

или дымчатым оттенком; орудия в основном изготовлены в технике односторонней обработки.

Из других мустьерских местонахождений Белой скалы, подвергшихся частичному исследованию, назовем Заскальную III, Ак-Кая III, Заскальную IX и Красную балку.

Остановимся коротко на последних двух.

Заскальная IX находится в самом верховье балки Красной, у подножия невысокой вертикально обрывающейся скалы. В отличие от вышеописанных памятников, давших обильный подъемный материал, который способствовал поиску палеолитических местонахождений, близ этой стоянки подъемный материал отсутствовал. Только после того, как внимательно был просмотрен каждый метр склона, в густой траве удалось найти одну, величиной с ноготь мизинца, кремневую чешуйку. Этот крохотный кремешек — своего рода «индикатор» — побудил нас заложить выше места его нахождения разведочный раскоп.

Раскоп оправдал наши надежды. Уже с глубины одного метра от современной поверхности в желтом суглинке стали встречаться расколотые кости животных, обработанный кремь. Особенно интересные находки, датируемые мустьерским временем, встретились на глубине свыше одного метра. Здесь были обнаружены кремневые изделия, в том числе два уникальных довольно архаического облика. Это крупные, массивные рубиловидные кремни с площадками для упора руки, характерными для всех орудий из мустьерских стоянок района Белой скалы.

С нахождением стоянки Заскальной IX весь правый склон балки Красной и продолжение его за поворотом тальвега заполнилось мустьерскими памятниками. Казалось, места для новых стоянок в балке больше нет.

Однако в 1974 г. нас ожидал сюрприз.

Ежегодно на протяжении пяти лет Крымская палеолитическая экспедиция разбивала палаточный лагерь на одной из надпойменных террас балки. На свободном от растительности участке крутого склона изредка встречались нам кремневые изделия мустьерского времени. Вначале они воспринимались как переотложения с заскальненских стоянок: по технике обработки, цвету кремь был таким же. Однако случайно, при подправке ступенек, появился на свет кремь вместе с костями ископаемых животных. Так возникло «подозрение» о существовании и здесь еще одного палеолитического местонахождения.

На самом мысу террасы был заложен шурф площадью в 4 кв. м. И вот с глубины около 3 м от современной поверхности стал поступать поначалу обработанный человеческой рукой кремь, затем кости животных, главным образом мамонтов и лошадей, и снова обработанный кремь, одним словом, археологический материал, относящийся к новому палеолитическому местонахождению. Оставалось выяснить его площадь. Такую трудоемкую работу могла оперативно одолеть только современная землеройная техника.

Надо сказать, что при исследовании палеолитических местонахождений археологи не часто обращаются к механизмам. Применяются землеройные машины, как правило, лишь тогда, когда исследователь знает, на какой глубине залегает культурный слой, и уверен, что в вышележащих напластованиях археологические материалы отсутствуют. Это и показал наш разведочный раскоп.

Часть палаток была убрана, а намеченная для исследования площадь (свыше 400 кв. м) разбита на метровые квадраты. Привычную тишину балки Красной нарушил натужный рокот бульдозера. Нож его осторожно

срезал грунт и ссыывал его в овраг. К вечеру, когда крыша кабины бульдозера исчезла в глубине траншеи, можно было начинать зачистку: до археологического слоя оставалось не более одного метра.

Начались раскопки. Вскоре лопата наткнулась на первую кость мамонта, а через неделю на всей площади были зачищены многочисленные кости животных, известняковый камень, кремневые изделия. Бросалось в глаза обилие костей мамонтов — конечностей, тазовых, бивней. По определению палеозоолога Е. И. Даниловой, в раскопе лежало около сотни костей, принадлежавших 9 особям разных животных — мамонта, лошади, быка. Интересно отметить, что 44 процента составляли молодые животные и детеныши.

Кремневых изделий в раскопе оказалось свыше сотни. Среди них есть крупные заготовки, большие и малые отщепы, чешуйки. Целых и сломанных орудий найдено около трех десятков, некоторые — двусторонней обработки. Предварительный анализ кремневого инвентаря местонахождения, получившего название «Красная балка», показал, что по технике обработки он близок кремню верхних культурных слоев стоянок Заскальных V и VI.

В дальнейшем мустьерское местонахождение Красная балка исследовалось на сравнительно небольшой площади — около 6 кв. м. И снова обильный костный материал, целый «костеносный горизонт». Кости принадлежали 15 особям животных — лошади, мамонта, сайгака, осла, быка. И опять обилие молодняка и детенышей — 45 процентов общего количества особей. Еще глубже были обнаружены признаки третьего «костеносного горизонта», но в связи с окончанием полевого сезона раскопки пришлось прервать.

Таким образом, впервые в Крыму раскопано место-

Раскоп местонахождения Красная балка.

нахождение мустьерского времени под открытым небом. Пока осторожности ради будем говорить только о местонахождении, ибо для характеристики его как стоянки необходимо наличие одного или нескольких очагов. Хо-

чется надеяться, что очаги будут найдены. Пока исследована примерно двадцатая часть предполагаемой площади местонахождения, притом, по-видимому, на его периферии.

В связи с открытием нового местонахождения возникает вопрос о месте его среди многочисленных стоянок, расположенных в той же балке, но под существовавшими некогда гrotами и навесами. Сейчас можно только предполагать: либо перед нами временный лагерь, где охотники разделывали туши убитых животных (преимущественно мамонтов), либо стоянка, возникавшая позже, когда все прочие (времени верхних культурных слоев Заскальных V и VI) уже не имели над собой больших, защищавших от непогоды скальных козырьков.

Мы кратко описали несколько мустьерских памятников Белой скалы. Уже этих данных достаточно, как нам кажется, чтобы на основании раскопочного материала говорить о большом скоплении отдельных поселений мустьерского времени, по масштабам не имеющем себе равных в Крыму. Белая скала оказалась своеобразным «кустом» стоянок, которые можно сравнить разве что с такими позднепалеолитическими «центрами», как Костенки под Воронежем и Пушкарки на Черниговщине.

Чем же объяснить такое «пристрастие» мустьерцев к Белой скале? Почему именно здесь неоднократно обособывались они на постоянное или долговременное жилище?

Подобный вопрос — часть проблемы возникновения племенной организации в мустьерскую эпоху. Наличие большого числа одновременных и длительных стоянок на территории радиусом всего в 3 км предполагает существование большого коллектива древних охотников. А такой коллектив мог иметь по тем временам только одно общественное устройство — племенное, пусть даже

на стадии формирования. Обычно принято говорить лишь об оседлости мустьерцев, связанной с постоянным использованием огнем и строительством долговременных жилищ. Материалами раскопок это доказано, однако для более широких выводов археологических фактов явно недостаточно. Группа же мустьерских стоянок у Белой скалы — одно из пока немногочисленных, но важных косвенных доказательств в пользу родоплеменной организации общества эпохи мустье.

Вернемся, однако, к более конкретным вопросам. Скопление мустьерских памятников в районе Белой скалы, неоднократное и долговременное заселение их объясняется, несомненно, благоприятными природными условиями этой части Крыма. Во-первых, близостью к просторам крымских степей, т. е. тем основным охотничьим угодьям, в которых водились в изобилии стадные животные. Во-вторых, наличием природных убежищ — многочисленных пещер, гротов и навесов. Наконец, в-третьих, богатыми месторождениями кремня — необходимого сырья для изготовления орудий труда и охоты.

Но и это не все.

С вершины Белой скалы, да и с «крыш» мустьерских жилищ вся прилегающая местность просматривалась вкруговую на многие десятки километров. Это давало возможность мустьерским охотникам наблюдать за передвижением стад травоядных по степи и к водопоям. А сами обрывистые стены Ак-Кая и балки Красной являлись прекрасными естественными «ловушками» для животных во время загонной охоты.

За пять лет работы в балке нами замечено, что, какие бы ни дули сильные восточные или западные ветры, там, где находятся мустьерские стоянки — выше по склону, под скалами, — почти всегда тепло и безветренно. К тому же все заселенные пещеры, гроты, навесы тогда, как

и ныне, выходили на юг или юго-запад и прекрасно прогревались солнцем.

В заключение укажем на еще одно немаловажное достоинство данной местности — большие размеры гrotтов и навесов балки Красной, что обеспечивало их обитателям своего рода комфорт. Так, по ориентировочной прикидке, размеры жилья на стоянке Заскальной V составляли примерно 350—400 кв. м, а на Заскальной VI — около 300 кв. м.

Находились ли обитатели и всех прочих, давно известных пещерных стоянок в столь же благоприятной обстановке? Ответим сразу: таких оптимальных природных условий, как у Белой скалы, на других мустьерских местонахождениях мы не видим. Прежде всего следует обратить внимание на отсутствие двух обстоятельств, наиболее важных для охотника времени мустье: близость выхода в широкие степные угодья и свободный обзор бескрайней местности. Последнее особенно существенно и вряд ли нуждается в пояснениях. Скажем только, что успех охоты на любого зверя, тем более стадного, всегда зависит от своевременного обнаружения стада.

Напомним, что Киик-Коба, Староселье, Шайтан-Коба расположены в узких замкнутых долинах, обзор местности с них был минимальным. То же можно сказать и относительно Чокурчи и Волчьего грота.

Кроме того, на одних стоянках мустьерцы не имели под руками высококачественного кремневого сырья (Киик-Коба); на других, если было вдоволь кремня (Шайтан-Коба), не хватало удобного, сухого и просторного жилья (Шайтан-Коба, навес в балке Холодной, Чокурча).

Выше уже говорилось, что та или иная длительность обитания мустьерцев на их стоянках доказывается мощ-

ностью культурных, в том числе и очажных, слоев, насыщенностью их культурными остатками. Все это отлично представлено на стоянках Заскальных V и VI.

Для полноты представления обратимся к цифрам и сравним аккайские памятники с мустьерской стоянкой Староселье, которая считается долговременной. В Староселье раскопана площадь свыше 250 кв. м. Кремневых орудий, если их объединить, как это делает исследователь стоянки А. А. Формозов, найдено около 800¹⁷. В Заскальной VI раскопана площадь, равная 16 кв. м. Кремневых орудий только во втором культурном слое собрано около 2000.

Наконец, о длительном обитании в этом месте больших коллективов мустьерцев свидетельствует следующее: за все годы исследования стоянок у Ак-Кая из всех культурных слоев на площади 60 кв. м получено, включая подъемный материал, около 5000 кремневых орудий. Это больше, чем на всех вместе взятых мустьерских стоянках Крыма, известных до 1969 г.

Итак, раскопки у Белой скалы дали чрезвычайно важный для науки массовый материал, в том числе огромное количество костей животных. Кости насчитываются сотнями, тысячами, десятками тысяч. Правда, среди них большинство составляют небольшие обломки — «неопределимые» кости, как говорят специалисты. Чаще всего такой материал безмолвствует. Но и из него удается порой выжать кое-какие сведения: одни кости принадлежат крупным копытным, другие — мелким и т. д. Материал же «определимый» —

череп, трубчатые кости с суставами, челюсти, зубы, позвонки — для науки бесценны, так как он может рассказать о многом, в первую очередь о видовом составе и морфологических особенностях животных.

На археологических раскопках у Белой скалы побывали многочисленные экскурсанты. Большое впечатление на всех производят огромные кости и бивни мамонтов. Что же касается остального костного материала, то он, как правило, разочаровывает. Нередко можно услышать возглас: «Обыкновенные кости! Таких полно везде». Между тем, это кости вовсе не обыкновенные и никому, кроме археологов, не встречаются. Они принадлежали животным, которые много тысячелетий назад исчезли с лица земли или же сильно видоизменились, давно откопав за пределы Крыма на тысячи километров.

Для археолога остеологический материал всегда является желанной находкой. И чем больше костей в культурном слое, тем лучше. Ведь только по такого рода остаткам можно судить, на каких животных охотились палеоантропы — древнейшие охотники мустьерской эпохи. А по составу животных и другим данным, которыми располагает археолог, можно реконструировать и окружавшую людей природно-географическую среду, т. е. не только животный мир, но и ландшафт, климат, растительность. Наконец, существуют способы устанавливать относительный и абсолютный возраст костного материала, а значит и узнать, когда жил тот древний человек, от трапез которого остались эти кости.

Что известно нам о фауне эпохи мустье? Какова она в эту пору на территории Крыма?

Кости животных из стоянок у Белой скалы принадлежат одиннадцати видам. Не очень много: мамонт, сайга, древняя лошадь, зубр, осел, благородный и северный олени, волк, лисица, песец, корсак. Были, очевидно, и другие, но о них мы ничего не знаем. Из всего списка только измельчавший благородный олень да лисица дожили в Крыму до наших дней.

Раскопки Ак-Кая еще далеки до завершения, поэтому допустимо думать, что список не полон. И все же нельзя не обратить внимания на отсутствие в нем таких хищных зверей, как медведь, гиена, лев. Не свидетельствует ли оно о том, что просторные, светлые гrotы и навесы Белой скалы были удобны для человека, но не для пещерного хищника?..

Обратимся теперь к костным материалам других мустьерских стоянок Крыма. Кроме видов, прослеженных по Ак-Кая, здесь выявлен и ряд других. Для полноты картины исчезнувшего животного мира назовем (опуская совсем мелких животных) шерстистого носорога, пещерного медведя, пещерного льва, пещерную гиену, древнюю косулю, кабана, бурого медведя, рысь. Довольно часто в Крыму встречаются и кости ныне исчезнувших птиц: альпийской галки, клушицы, белой куропатки и других.

В числе редких находок — кости рыб. Один позвонок рыбы обнаружен в верхнем слое стоянки Заскальной V и один в пещере Темной (Карань-Коба) близ Севастополя¹⁸. Две ископаемые кости рыб мустьер-

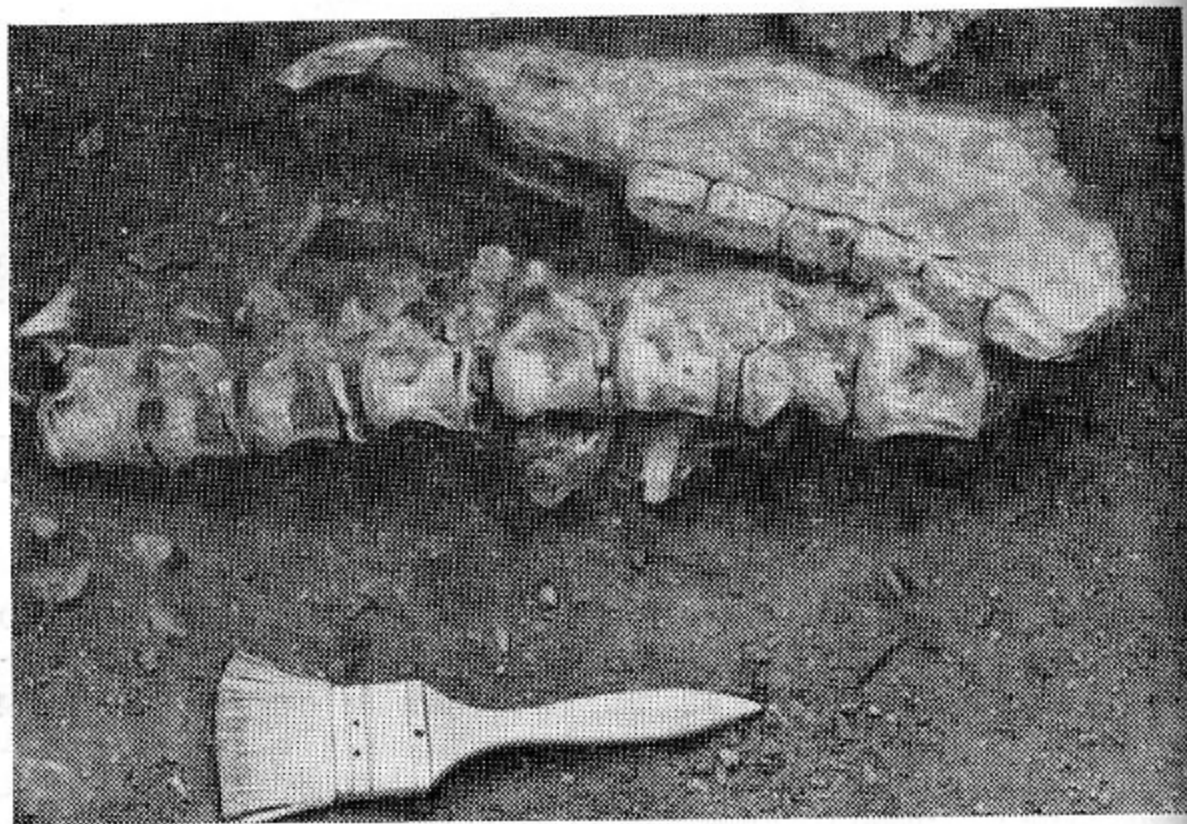
ского времени — это пока все богатство, каким располагает крымская палеоихтиология*.

В списке животных мустьерской эпохи мы находим характерных представителей леса и степи. К первой группе относятся бурый медведь, косуля, благородный олень, рысь, ко второй — сайга, осел, лошадь, зубр, мамонт, гигантский благородный олень. Арктическая фауна представлена такими видами, как северный олень, песец, тундровая и белая куропатки. Находки их костей свидетельствуют, по-видимому, о весьма суровом климате в Крыму и о миграциях животных на юг из районов, затронутых оледенением.

Такая же «смешанная» фауна отмечалась палеозоологами и в других местах Украины, в частности, по данным И. Г. Пидопличко, на территории Новгорода-Северского¹⁹. Смещение арктической и степной фауны ученый связывает с сезонной миграцией и наступлением льдов, изменившим бывшие границы обитания тундровых видов. Такое объяснение приемлемо и для Крыма. Вопрос лишь в количестве и разнообразии так называемых «холодолобивых» (но, однако, искавших тепла) животных. Похолодание, естественно, ощутило было в районе Новгорода-Северского, чем в Крыму. Отсюда и распространение арктической фауны: чем дальше на юг, тем меньше представителей севера.

Чтобы яснее представить, чем питались обитатели Белой скалы, взглянем еще раз на список животных, составленный по материалам аккайских стоянок. Какие виды представлены наибольшим количеством особей? Первое место занимает лошадь, затем сайга и мамонт. Остальные животные — осел, зубр, благородный и северный олени, волк, песец — исчисляются одной-

* Наука, изучающая ископаемых рыб.

Позвонки и челюсть ископаемой дикой лошади.

гремя особями. Видимо, объектом охоты они служили значительно реже, быть может, даже случайно, спорадически.

Таким образом, основу питания древнейших охотников Белой скалы составляли три вида. И длилось это долго, из поколения в поколение, ибо отмеченное выше количественное соотношение остается почти неизменным во всех культурных слоях. Естественно, что у человека накапливался опыт, складывалась и вырабатывалась охотничья тактика применительно к повадкам тех или иных животных. Возникает даже своего рода «специализация». Наиболее ярко прослеживается она по материалам Старосельской стоянки. Как уже отме-

чалось, там обнаружено особенно много костей одного вида — осла, причем цифра (287 особей) отнюдь не рекордная. Скажем, на Ильской стоянке (Северный Кавказ) пищей неандертальцев послужили не менее 2400 бизонов, а на французской стоянке Солютре найдены остатки около 10 000 лошадей. Таких примеров немало. Возникает вопрос: как же добывали столько дичи первобытные охотники? Какие способы охоты они применяли?

Прежде всего следует отметить, что охота на стадных животных могла быть только коллективной, организованной по хорошо продуманной системе. Иначе не удалось бы добывать антилоп-сайгаков, лошадей и толстокожих мамонтов, которые водились в окрестностях Белой скалы.

Изучение образа жизни ныне живущей сайги помогает реконструировать в какой-то мере охоту на древних ее родичей.

Сайга — быстроногое животное. Скорость ее бега во время преследования на автомобиле достигает 70—80 километров в час. Попробуй за нею угонись! А незаметно подкрасться к сайге, маскируясь неровностями ландшафта и растительностью, было под силу и охотникам мустьерского времени. Тем более, что обоняние у сайги развито очень слабо.

Добычей древнего человека сайгак мог стать и во время зимнего гона, т. е. в брачный период. «Самцы после гона чрезвычайно слабеют, — пишет один из современных исследователей, — и большинство из них становится легкой добычей волков, гибнет от холода или в драках с соперниками... Палеолитический человек мог очень часто добывать таких ослабевших самцов-сайгаков и, кроме того, широко пользоваться трупами этих антилоп, загрызенных, но не съеденных хищниками... Исходя из этих соображений, можно предполагать, что если будет установлен половой состав сайгаков из палеолитических стоянок Крыма, то большинство этих животных окажется самцами»²⁰.

Пожалуй, еще легче и проще было добывать сайгу во время ее массового окота. Такое предположение основывается на данных, сообщенных исследователем современных животных П. И. Кульпиным²¹. В мае 1953 г., оказавшись в зоне окота, он наблюдал на пло-

щади около 15 кв. км живое желтое поле, состоявшее из десятков тысяч самок с новорожденными сайгачатами. Многие малыши еще не могли передвигаться и лежали, прижавшись к земле, а самки, страшась за судьбу детенышей, то отбегали на недалекое расстояние, то возвращались, то снова отбегали...

На табуны травоядных животных мустьерцы могли охотиться и с помощью загона: устраивая облавы, подгонять диких лошадей, сайгаков, ослов к скалистым обрывам, а затем добивать искалеченных при падении животных. Такая охота требовала участия большого коллектива людей, возможно, объединенных усилий мужчин нескольких соседних стоянок.

При раскопках мустьерских стоянок археологи довольно часто находят каменные шары размером примерно с яблоко или сжатый кулак. Удалось даже проследить определенный порядок в расположении подобных шаров. Так, в пещерной мустьерской стоянке Рсбьер I (во Франции) были обнаружены шесть шаров, лежавших по три вместе. Разгадать их назначение удалось с помощью этнографии.

В Южной Америке степные индейские племена во время охоты пользовались так называемыми болеадорами — каменными шарами (болами), связанными по два-три на конце веревки или кожаного ремня. Охотник раскручивал болеадор над головой, а затем с силой метал в животное. Шары не столько ранили, сколько, обвиваясь вокруг туловища или ног зверя, мешали его бегу.

Отдельные шары-болы были найдены и на стоянке Заскальной VI.

Разумеется, для охоты на мамонта болеадор непригоден. Тяжеловесных и неуклюжих животных, скорее всего, подстерегали на тропах во время передвижения к водопою, а затем преследовали, постепенно отбивая беременных самок и молодняк. Об этом свидетельствуют частые находки костей молодых особей, извлеченных из культурных слоев мустьерского времени. Боль-

шой процент костей молодняка таких травоядных, как мамонт, лошадь, сайга, осел, видим мы и в костном материале аккайских стоянок.

На мамонтов охотились, очевидно, и из засады, пользуясь копьем или рогатиной. Подтверждением тому этнографические параллели, разумеется, охоты не на мамонтов, а на слонов. Например, африканские пигмеи отваживаются нападать на слонов даже в одиночку. Этнограф Энн Патнем пишет, что для успешного исхода достаточно подобраться к животному «как можно ближе и со всей силой воткнуть копье в его мочевою пузырь»²². Этот охотничий прием практиковали, по видимому, и неандертальские охотники. Подкрасться к восьмитонной туше с подветренной стороны, маскируясь высокой травой, было делом вполне реальным, так как, судя по аналогии со слонами, мамонты имели слабое зрение и слабую подвижность головы. Обонянию и слуху этих гигантов неандерталец мог противопоставить осторожность и охотничью хитрость, обмазываясь экскрементами мамонтов, как, например, поступали пигмеи племени батуга, охотясь на слонов.

Конечно, какие бы хитрости ни применял древний охотник, успеху дела всегда должно было сопутствовать знание звериных повадок. О том, что охотники Белой скалы хорошо знали тех зверей, мясом которых кормились, говорят охотничьи трофеи — многочисленные кости убитых ими животных.

Самыми многочисленными археологическими находками у Белой скалы являются кремневые изделия.

Кремень практически вечен, поэтому сохраняются и мельчайшие, величиной с ноготь мизинца, чешуйки, и крупные обломки, и целые орудия. Лишь от длительного пребывания на поверхности — под воздействием сил природы — кремень меняет свой цвет, покрываясь голубой, белой, розовой, коричневой и других расцветок патиной. Чем дольше он находится на дневной поверхности, тем глубже проникает в его толщу патина, иногда пронизывая минерал насквозь. Только тогда кремень утрачивает присущую ему твердость, становится «неэластичным» при раскалывании.

Материалом для аккайских каменных изделий послужили несколько видов кремня: темно- и светло-серого, черного, а также светло-коричневого или оливкового, просвечивающего в тонком слое — на краях изделий. Лучшие орудия изготавливались из высококачественного темно-серого, коричневого, черного кремня. С патиной и без нее кремневые изделия дают целую гамму расцветок. Значительно реже встречаются изделия из кремнистого известняка, светло-желтого или серого кварца.

Мустьерские мастера изготавливали десятки типов разнообразных орудий: остроконечники, ножи, скребла, скобели, проколки, наконечники копий... Большинство из них использовалось для различных, нередко комбинированных действий: резания, скобления, прокалывания, рубки — в зависимости от расположения и сочетания рабочих лезвий, от их обработки ретушью.

Сами орудия порою настолько совершенны по форме и тщательности обработки, что некоторые можно счи-

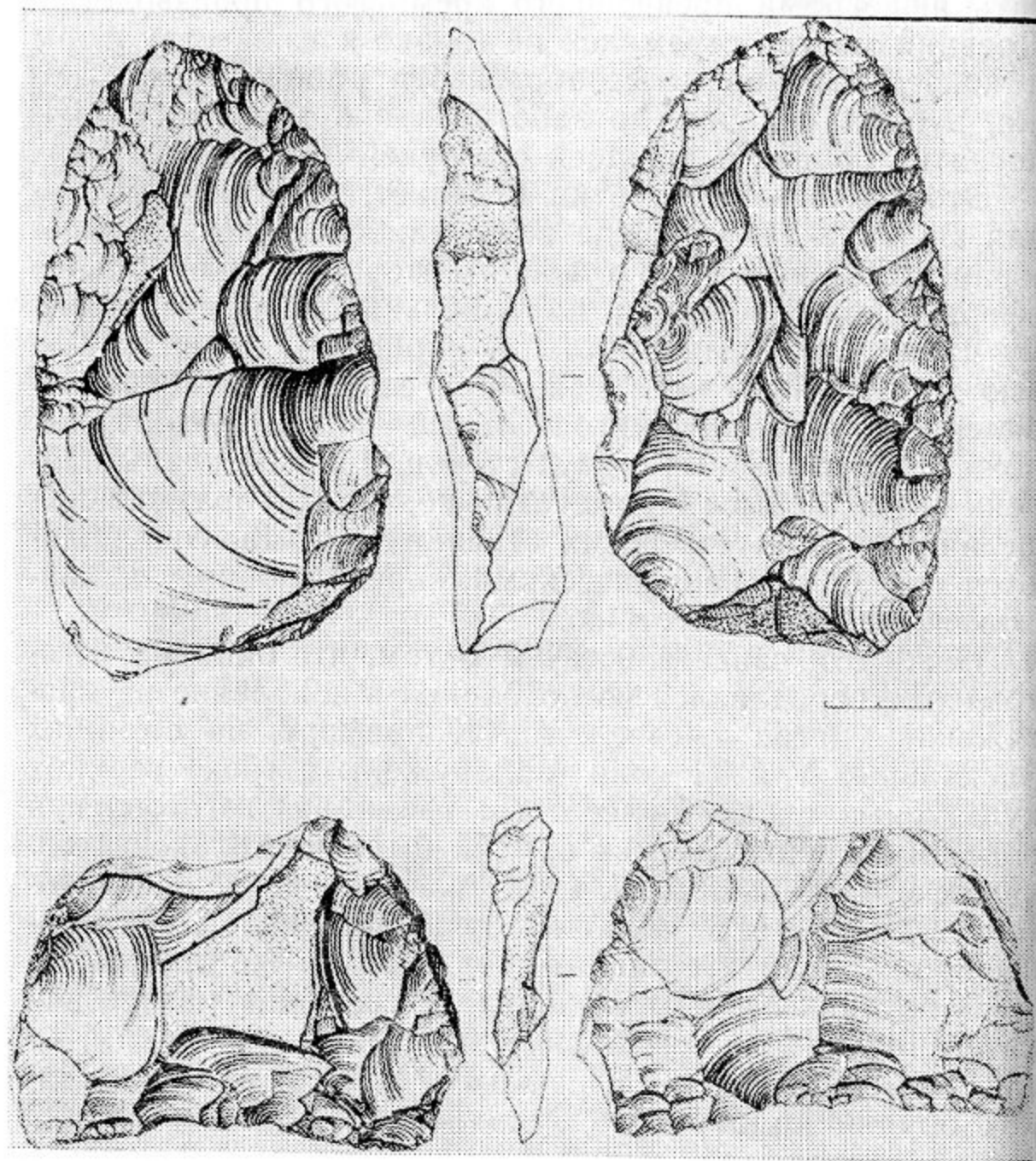
тать шедеврами древнейшего кремневого производства. Древний мастер стремился не только к изяществу форм и конструктивной целесообразности рабочей части ножа, рубила, скребла, но заботился и о том, чтобы «подогнать» орудие к берущей его руке.

Это качество обработки отличает, в частности, орудия Белой скалы, прежде всего наиболее здесь распространенные — ножи. На тупой их стороне — разнообразно оформленные площадки, параллельные острому рабочему краю. Во время работы в площадку, занимающую всю длину тупого края ножа или ее часть, удобно упирался большой или указательный палец руки. Таких ножей, обработанных с двух сторон, у Белой скалы найдена не одна сотня. Примечательно, что их гораздо меньше на других мустьерских стоянках Крыма. Они являются орудиями специфическими, определяющими аккайскую каменную индустрию.

Ножи эти свидетельствуют о том, что опыт их изготовления передавался из поколения в поколение на протяжении многих тысячелетий. К примеру, на стоянках Заскальных V и VI они обнаружены в трех верхних культурных слоях. Более того: традиция изготовления подобных специфических орудий была настолько устойчивой, что, по-видимому, уходя на какой-то период с того или иного места, а затем вернувшись вновь, мустьерцы продолжали изготавливать точно такие же орудия*.

В последнее время выделилась еще одна интересная категория орудий, специфических для Белой скалы, — так называемые ножи с ручками. Для изготовления таких орудий подбирались удлиненная и узкая плитка

* Вспомним в этой связи, что на стоянке Заскальной V первый культурный слой отделен от второго почти метровой «стерильной» прослойкой, т. е. отложениями грунта, лишенными культурных остатков.

Ножи с площадками для упора руки (Заскальная V, второй культурный слой).

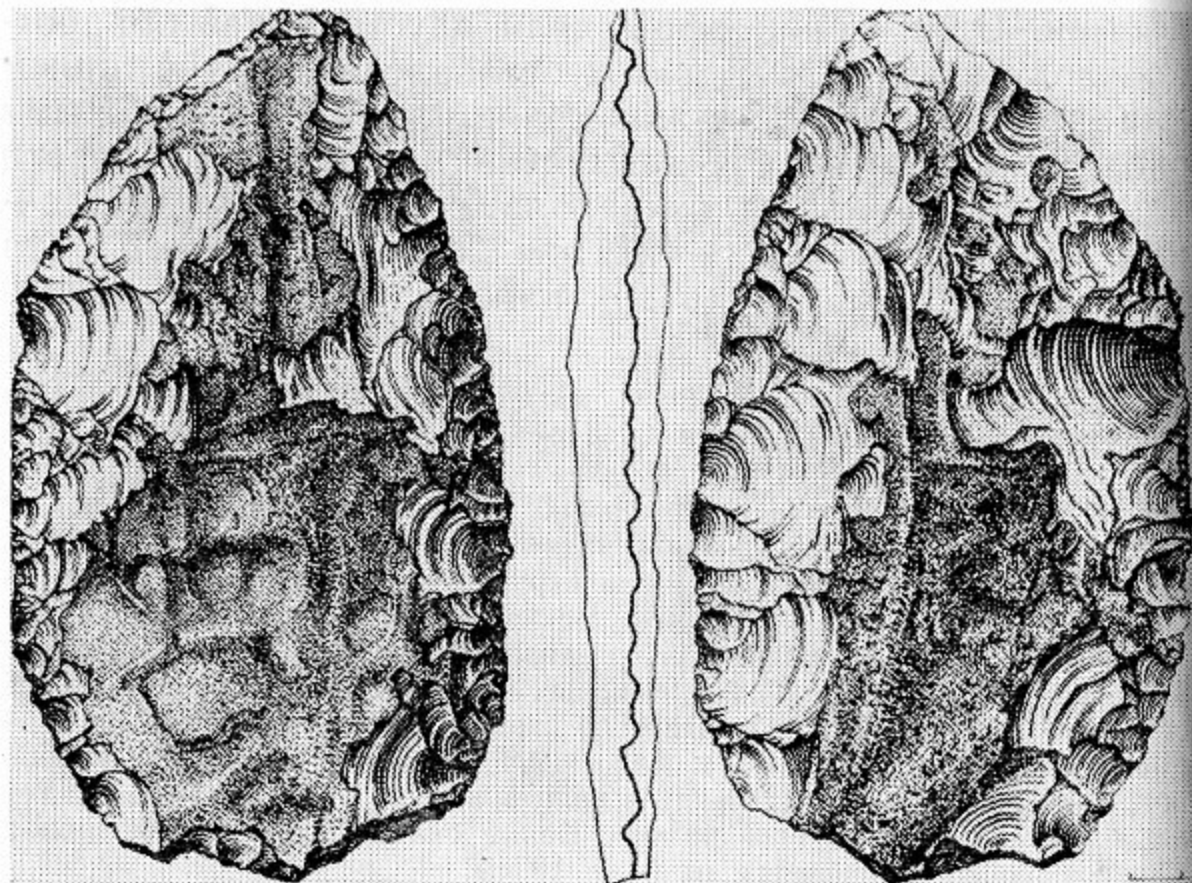
кремня. Один конец оформляли двусторонней обработкой под лезвие ножа, другой оставался необработанным или частично подправлялся одним-двумя продольными сколами. В результате кремневая плитка на две трети или половину длины сохраняла естественную желвачную корку, и эта часть изделия служила своего рода ручкой. Такие орудия очень напоминают современный сапожный нож.

Для изготовления подобных вещей требовался самый высококачественный плитчатый кремнь. Недавно нам удалось обнаружить и его месторождение. Оно находится всего в нескольких километрах от балки Красной — на втором километре от шоссе из Белогорска в село Пролом. Здесь на большой площади вспаханного поля, на контакте почвы с мергелями, в огромном количестве встречаются самые разнообразные по размерам плитки кремня.

Видимо, месторождение это и давало обитателям Ак-Кая материал для ножей и других кремневых орудий. Кстати, среди ножей есть очень крупные; некоторые — со стоянок Заскальных V, VI, IX — достигают в длину 16—18 и даже 19,5 см. Орудия таких размеров встречаются не часто и не на каждой мустьерской стоянке. В тех же верхних слоях мустье района Белой скалы преобладают ножи, длина которых колеблется от 6 до 10 см.

Еще один тип орудий, специфических для стоянок Заскальных, — тоже ножи, но треугольной или сегментовидной формы. Встречаются они значительно реже. Эти правильной геометрической формы изделия подвергались и двусторонней и односторонней обработке. Если двусторонне обработанные ножи с площадкой для упора руки и ножи с ручкой брались во время работы непосредственно рукой, то сегменты и треугольники, по-видимому, вставлялись в какие-нибудь деревянные оправы, держак, черенки. Дело в том, что край одной из сторон треугольника или сегмента извилист и не пригоден для резания.

Отметим, что традиция изготовления орудий из плитчатого кремня характерна для первобытного коллектива, населявшего район

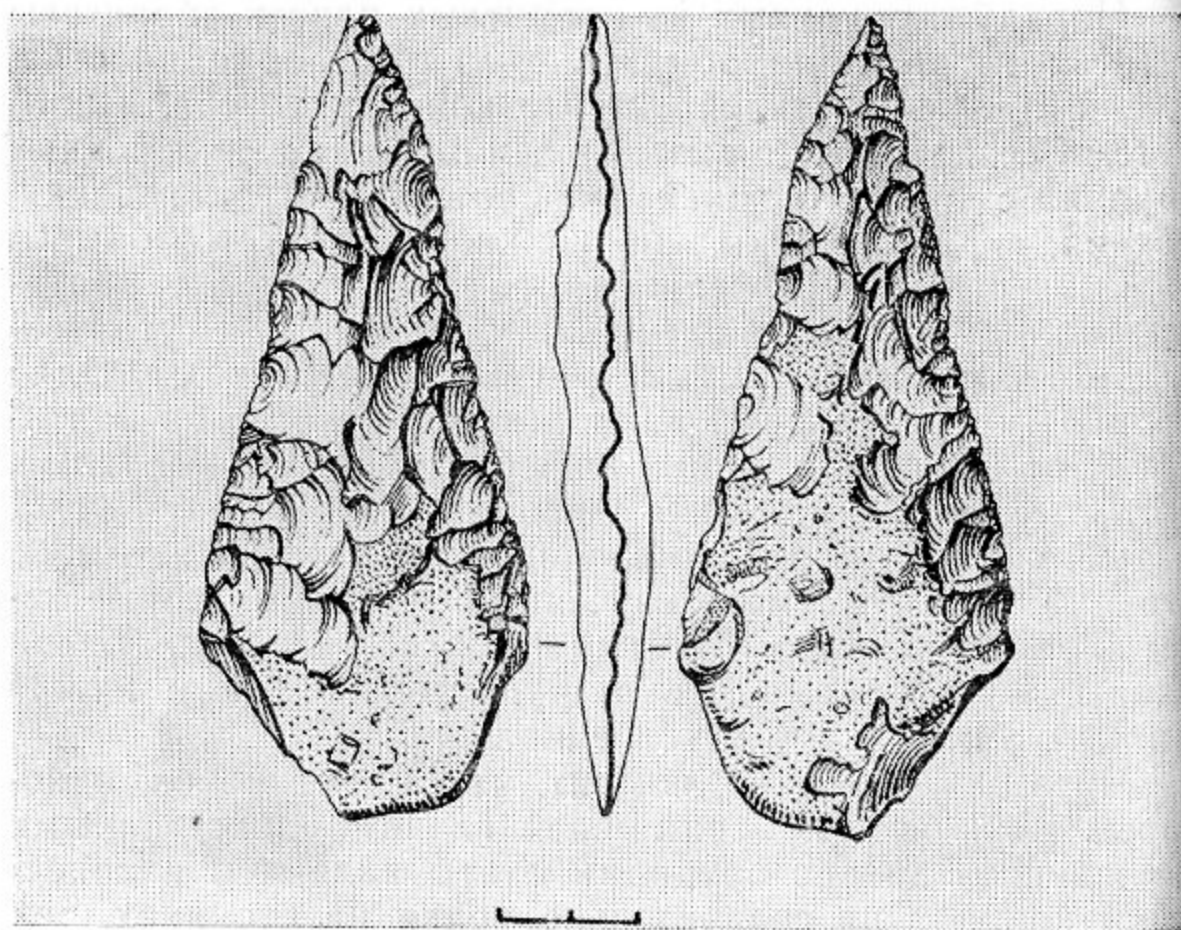
Двусторонне обработанный нож аккайского типа (Заскальная V, второй культурный слой).

Белой скалы. Другие мустьерцы, например, носители кииккобинской культуры, использовали не плитчатый кремнь, а преимущественно галечный. Из галек они сперва получали отщепы, пользуясь особым приемом — без предварительно подготовленного нуклеуса*. Эти короткие массивные отщепы археолог Л. Н. Соловьев очень удачно назвал скибками. «Они получались, — пишет он, — путем расчленения желвака продолговатой формы на «доли» или «скибки», подобно тому, как режут колбасу или хлеб»²³. Из такого рода заготовок кииккобинцы и вырабатывали свои разнообразные орудия.

* Разъяснение термина см. на стр. 21.

Наряду с орудиями из кремневых плиток аборигены Ак-Кая изготавливали обычные — из отщепов и пластин, т. е. с предварительной заготовкой нуклеусов. Таким путем создавались многочисленные и разнообразные орудия с односторонней обработкой: остроконечники, остря, скребла, ножи, проколки, скребки, которые в свою очередь подразделяются на всевозможные подтипы, например, остроконечники удлиненные, с утонченным основанием, асимметричные, с черенком. Одни только скребла насчитывают несколько десятков подтипов. Вот некоторые из них: скребла простые (выпуклые, вогнутые, прямые), скребла двойные, поперечные, угловатые, конвергентные (со сходящимися лезвиями) и т. д. Орудий много. По мере изучения выделяются новые типы и подтипы. Весь богатый каменный арсенал Белой скалы перечислить здесь затруднительно. Да и нужно ли? Это уже область узкоспециальная.

Читатель, вероятно, помнит, что, кроме болов, о которых шла речь в предыдущей главе, единственными дошедшими до нас орудиями охоты являются наконечники копий. Они сравнительно редки на стоянках, так как во время охоты ломались и терялись на широких просторах охотничьих угодий. Поэтому совершенно особый интерес представляет найденный на стоянке Заскальной VI целый наконечник копья, изготовленный в той же традиции, что и большинство специфических для Ак-Кая ножей. Древний мастер подобрал тонкую в сечении плитку кремня, а затем обработал ее техникой двустороннего скалывания. В результате получился наконечник, у которого оба длинных края тщательно, с двух сторон, обработаны сколами и сходятся в тонкий, острый конец. Длина наконечника 11,5 см, наибольшая ширина — 4,5 см. Противоположный острию край сохраняет желвачную корку: шершавая поверхность ее проч-

Наконечник копья (Заскальная VI, третий культурный слой).

нее соединялась с расщепленным концом древка. Не вызывает сомнения и то, что место соединения наконечника с древком связывалось сухожилиями или ремнями, а затем просмаливалось. Иначе наконечник копья не мог плотно держаться в древке. Известны и этнографические тому параллели.

Помимо каменных, встречаются на мустьерских стоянках, хотя и редко, костяные орудия — проколки, шилья и проч. Изредка потому, что человек не овладел еще техникой обработки кости. К тому же изделия эти

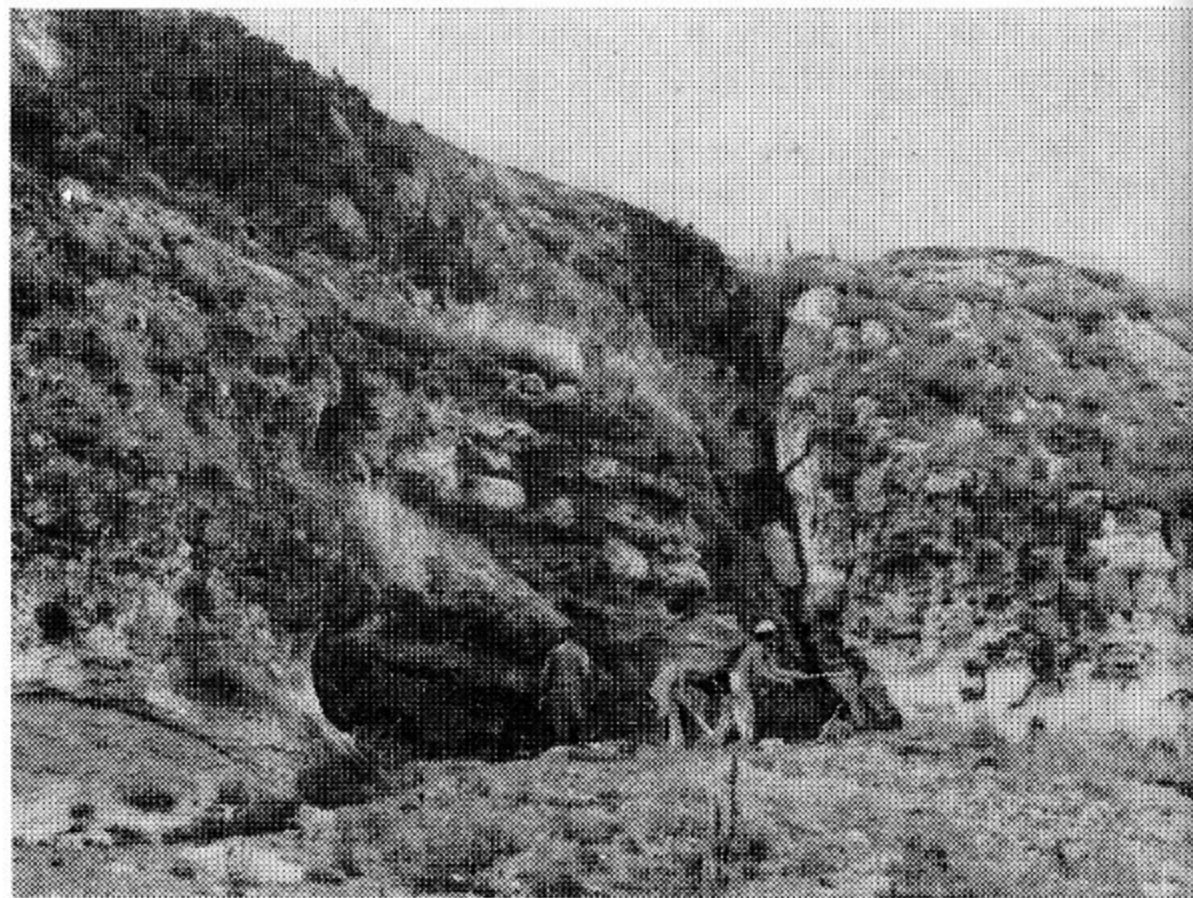
очень грубы: изящные и утонченные формы обретают они лишь в позднепалеолитическое время.

В Крыму мустьерские костяные орудия известны по находкам в Чокурче, Киик-Кобе, на стоянке Заскальной VI. Так, в Киик-Кобе было обнаружено крупное шилообразное орудие с заостренным рабочим концом. Изготовлено оно из голени лошади: головка кости отбита наискось и острый конец с помощью кремневого орудия оструган и оскоблен. Строганием обрабатывались и бивни мамонтов из Чокурчи.

На стоянке Заскальной VI обращает на себя внимание поделка из ребра какого-то животного в виде «лопаточки». Кончик поделки искусственно закруглен и с двух сторон заглажен. Другая кость — узкая, длиной 7,2 см — тоже носит следы скобления и заглаживания. Возможно, она служила проколкой (к сожалению, кончик ее обломан). На средней части стержня кости, чуть ближе к расширяющемуся основанию, заметно девять коротких насечек, расположенных параллельно друг другу. Смысл их неясен.

Совершенно неожиданны для мустьерской эпохи и потому занимают особое место костные находки из района Ак-Кая — обломки костей с просверленными отверстиями. В известной книге С. А. Семенова «Развитие техники в каменном веке», удостоенной Государственной премии, указано, что сверление кости, рога (в том числе и бивней мамонтов) прослеживается с начала позднепалеолитического времени. Тем более ценны наши находки.

Одна из них — со стоянки Заскальной V — представляет собой небольшой, длиной 5 см и шириной 1,5 см, обломок трубчатой кости животного с четким круглым отверстием (диаметром 2 мм) в верхней части, у самого конца кости. Другая — с Заскальной VI — столь же малых размеров (2,7×2,2 см) фрагмент трубчатой кости в

Грот Пролом — новая мустьерская стоянка в Крыму.

виде неправильного шестиугольника. В месте, где кость утолщена, просверлено отверстие диаметром 3 мм. Судя по наличию и расположению отверстий, обе кости служили подвесками.

В этом еще больше убеждает уникальная находка Крымской палеолитической экспедиции 1973 г. из грота Пролом. При раскопках из мустьерского культурного слоя была извлечена грушевидная ушная косточка пещерного медведя(?). Размеры косточки — $4,2 \times 1,5$ см. В середине суженной ее части — круглое сверленное отвер-

стие диаметром 2 мм. Из всех костей пещерного медведя да, пожалуй, и других животных не удалось бы, думается, выбрать кость, которая по форме так подходила бы к использованию в качестве украшения.

В 20-х годах Г. А. Бонч-Осмоловский в Киик-Кобе и Кош-Кобе тоже нашел три фрагмента костей с цилиндрическими отверстиями. Исследователь показывал свои находки Анри Брейлю, французскому ученому, общепризнанному знатоку первобытной техники. Оба пришли к мнению, что отверстия — естественного происхождения. Если сравнить с ними аналогичные костяные предметы Белой скалы, то в глаза бросается существенная деталь. Отверстие на каждом из трех аккайских расположено симметрично и притом на самом кончике кости или на выступающем ее углу, тогда как найденные Г. А. Бонч-Осмоловским имеют более широкие и асимметрично расположенные отверстия. В лаборатории естественно-научных методов исследования археологических материалов Института археологии АН УССР подтвердили, что отверстие в кости со стоянки Пролом проделано путем сверления.

Закономерен вопрос: каково назначение подвесок? Просто ли это украшения или же своего рода знаки отличия искусного охотника? В глазах неандертальца все первостепенное было непосредственно связано с успешной охотничьей деятельностью; все остальное, воспринимавшееся как производное от нее, получило свое развитие уже в позднепалеолитическое время. Под «всеми остальными» мы понимаем элементы первобытной эстетики и искусства.

Кроме примитивных костяных изделий, у Белой скалы открыты и другие материалы, связанные с производственным использованием кости, — так называемые костяные ретушеры. Это обычные обломки костей (чаще всего трубчатых), на поверхности которых невооруженным глазом можно увидеть характерные неровности, своего рода насечки. Последние группируются у концов костей и при сильной сработанности бывают углублены на 2—3 мм. Все эти многочисленные, но короткие риски,

вмятины, выщерблины так и зовутся — насечки и являются не чем иным, как следами от ударов или трения кости по краю кремневого орудия во время нанесения ретуши. На стоянке Заскальной VI обнаружено несколько десятков ретушеров.

На всех мустьерских стоянках, где во множестве обнаруживаются каменные орудия, всегда находятся и их производственные спутники — костяные ретушеры. По этому поводу Г. А. Бонч-Осмоловский писал: «Можно с уверенностью сказать, что их (костяных ретушеров. — *Ред.*) нет только там, где их не ищут». Исследователь совершенно справедливо считал, что наличие или отсутствие в коллекции ретушеров «является мерилom тщательности раскопок и научного подхода к исследованию»²⁴.

Судя по данным раскопок, наиболее ранним на территории Крыма является нижний слой Киик-Кобы — самое начало мустье. Домустьерские же комплексы в Крыму пока не найдены, и потому нет оснований говорить о выработке здесь мустьерских памятников из более древних. Речь пойдет лишь о времени и путях заселения полуострова с тех территорий, где эти древнейшие памятники обнаружены. Но поначалу необходимо «навести порядок» среди мустьерских стоянок Крыма, т. е. выделить и сгруппировать памятники по технико-типологическим признакам кремневых орудий. Те же общие признаки могут оказаться и в материалах памятников синхронных, но имеющих, в отличие от крымских, связь с более древними стоянками других территорий.

Наша задача значительно облегчается теоретическими разработками палеолитоведов А. А. Формозова и В. Н. Гладилина.

Первым еще в 50-х годах было установлено, что на территории Русской равнины и Крыма наиболее рас-

пространены такие мустьерские памятники, в производственном инвентаре которых много кремня, обработанного двусторонне. Для территории Кавказа, наоборот, более характерен мустьерский каменный инвентарь, обработанный односторонне. Исходя из этого признака, А. А. Формозов сближает мустьерские стоянки Кавказа с переднеазиатскими, а Русской равнины и Крыма — с мустьерскими памятниками Центральной Европы²⁵.

Подобные наблюдения не могли все же выявить местных различий между мустьерскими памятниками Восточной Европы. Сделать это можно лишь при соединении типологии со статистикой, т. е. методом Ф. Борда и М. Бургона. Необходимы, правда, и некоторые дополнительные критерии. Введя свои поправки и дополнения к типолого-статистическому методу, В. Н. Гладилин выделил технические варианты и типы различных индустрий — производств орудий труда. По его схеме все мустьерские памятники Русской равнины и Крыма характеризуются совокупностью трех хронологически устойчивых показателей: 1) размер изделия; 2) степень применения двусторонней обработки; 3) удельный вес зубчатых и выемчатых форм в общем количестве изделий того или иного местонахождения.

В результате в Крыму выявлено несколько различных мустьерских индустрий²⁶. Таким образом, мустьерская культура не столь монолитна, как это представлялось еще не так давно.

Если нанести на карту Крыма все мустьерские стоянки, то нетрудно заметить их локализацию двумя группами. Для одной из них характерно преобладание двусторонней обработки кремневых изделий; она разместится в юго-восточном Крыму. Вторая группа займет юго-западную часть полуострова, и для нее характерной чертой окажется односторонняя обработка орудий.

А теперь вернемся к вопросу о времени и путях древнейшего заселения Крыма. Факт локализации мустьерских стоянок двумя группами (сообразно с техникой раскалывания и обработки камня) имеет прямое отношение к этому вопросу.

В свое время автором этих строк была выдвинута гипотеза о юго-западном пути продвижения в Крым людей времени раннего палеолита²⁷. В поисках новых охотничьих угодий они покидали Переднюю Азию, плотно заселенную еще с ашельского времени (400—200 тысяч лет назад) и устремлялись на север. Их путь пролегал через Балканы и Румынию вдоль западного побережья Черного моря, а затем из Добруджи* на Тарханкут по суше, в древности соединявшей эти места. Палеоантропы — носители техники односторонней обработки камня — могли свободно перейти в юго-западную часть Крыма по той линии между мысом Тарханкут и прибрежьем дельты Дуная, где в настоящее время средняя глубина Черного моря не превышает тридцати с небольшим метров²⁸.

Иные исходные пункты вырисовываются для обитавших в восточном Крыму носителей техники двусторонней обработки камня. Археологические данные говорят о сходстве между мустьерскими комплексами юго-восточного Крыма, Русской равнины и Центральной Европы. В частности, у Белой скалы мы имеем прямые аналогии с памятниками Чехословакии, Польши, ГДР и ФРГ. Особенно схожи крымские двусторонне обработанные ножи с площадками для упора руки и немецкие — типа Клаузеннише и Бокштайн, а также польские — типа Пшондник (по названиям стоянок). Не следует ли, ис-

* Добруджа — историческая область между низовьями Дуная и Черным морем. Входит ныне в состав Румынии и Болгарии.

ходя из этих данных, рассматривать Центральную Европу как территорию, откуда происходило заселение в позднеашельское время Русской равнины, а в мустьерское — Крыма? Впрочем, этот сложный вопрос, которому уделялось внимание в целом ряде работ виднейших советских палеолитоведов²⁹, еще далеко не решен.

ЛИК НЕАНДЕРТАЛЬЦА

В 1979 г. исполняется 100 лет со времени открытия первой мустьерской стоянки в Крыму. За этот длительный промежуток времени на полуострове стало известно немало местонахождений древнекаменного века. Из культурных слоев археологи добыли каменные орудия палеоантропов, кости убитых и съеденных ими животных, уголь их очагов. Изучены различные детали быта древних охотников. Многочисленные находки, особенно каменные орудия, украшают ныне экспозиции музеев Москвы, Ленинграда, Киева, городов Крыма. Для полноты картины не хватало одного — самого творца и носителя мустьерской культуры.

Пятьдесят с лишним лет назад — в 1924 г. — уже известный читателю археолог Г. А. Бонч-Осмоловский обнаружил в гроте Киик-Коба части скелетов древних людей — взрослого и ребенка. Это были первые находки неандертальцев на территории Советского Союза. Естественно, интерес к ним был огромен. Выехавшая на место раскопок экспертная комиссия Главнауки РСФСР во главе с профессором В. В. Бунаком констатировала, что «область северных предгорий Яйлы представляет исключительный интерес как одна из немногих в СССР областей обитания ископаемого чело-

века» и что костные его остатки имеют огромное значение для мировой науки³⁰.

Познакомим читателя поближе с древним человеком — условиями захоронений, возрастом, особенностями анатомического строения. Он был не таким, как мы, современные люди, но в его «диком» облике мы узнаем и себя. Труд и огонь уже почти сделали его *homo sapiens* — «человеком разумным».

Итак, первая встреча с неандертальцем на крымской земле... Состоялась она совершенно неожиданно в самом центре Киик-Кобы. Человек лежал в специально вырытой для него прямоугольной яме длиной 210 см при ширине 80 и глубине 54 см. Сама яма интересна не только тем, что она была прорыта в толще суглинка, подстилающего культурный слой, и частично врезама даже в скалистое дно грота. Замечателен и важен для науки просто тот факт, что неандертальцы похоронили, а не бросили тело своего умершего родича.

В западном конце погребальной ямы в анатомическом порядке сохранились кости правой голени и — полностью — обеих стоп погребенного. В беспорядке и вне ямы оказались прочие кости: два запястья, две пястных кости, пять фаланг, восемнадцать костей кисти руки и один зуб. Большинство частей этого скелета выброшено при рытье новой, довольно глубокой ямы, причем вырыл ее другой мустьерский человек — современник верхнего культурного слоя Киик-Кобы. По уцелевшим костям Г. А. Бонч-Осмоловский все же восстановил положение скелета. Погребение было совершено на правом боку со слегка подогнутыми ногами, упиравшимися в западный конец могильной ямы. Соответственно ее конфигурации — с северо-востока на юго-запад, т. е. поперек основной оси грота, — ориентирован и костяк.

Другой скелет, детский, лежал на самом скальном дне пещеры всего в 30 см от северного угла могильной ямы. Положение этого костяка — на левом боку в скорченном состоянии. Кроме черепа и зубов, почти все части скелета уцелели, однако сохранность их оставляла желать лучшего. В связи с несовершенством метода закрепления кости, которым в те годы мог располагать исследователь, скелет

был извлечен со значительными утратами. Как выяснили антропологи, принадлежал он годовалому ребенку. Определить, к какому именно культурному слою относилось детское погребение, не представилось возможным, так как на этом участке верхний и нижний слои не разделялись стерильной прослойкой. Выявить очертания второй могильной ямы тоже не удалось. После некоторых сомнений исследователь пришел к выводу, что погребение относится к верхнему культурному слою³¹.

Спустя почти тридцать лет тут же в Крыму, на мустьерской стоянке Староселье, А. А. Формозов нашел остатки скелета неандертальского ребенка и отдельные разрозненные кости взрослой человеческой особи. И снова не обошлось без авторитетной комиссии. Научная ценность подобных находок так велика, что хранятся они в неприступных сейфах наравне с золотом и бриллиантами.

Известный антрополог М. М. Герасимов расчистил скелет, а из многочисленных обломков черепа склеил почти целый. Впоследствии им была выполнена графическая и скульптурная реконструкция внешнего облика ребенка.

Старосельский ископаемый человек, как и кииккобинский, был обнаружен в центре древнего навеса, на глубине 70—90 см от современной поверхности. Костяк длиной 82 см занимал юго-восточную сторону метрового квадрата. Лежал он поперек продольной оси навеса, черепом в сторону балки (на запад) и находился в вытянутом положении. Отметим, что на сей раз был полный состав костей, а их размещение оказалось анатомически правильным. Лучше всего сохранились фрагменты раздавленного черепа, шейные, грудные, поясничные позвонки, хуже — кости ног. Правая рука согнута была в локте и положена на таз; кости левой, за исключением четырех фаланг кисти, которые также покоились на тазу, почти не сохранились.

Чтобы датировать погребение как можно точнее, исследователь тщательно изучил стратиграфию* куль-

* Стратиграфия, как археологический термин, — последовательность напластования культурных остатков.

турных слоев, состоявших из щебенки с горизонтальными прослойками плитчатого известняка. В щебенке залегали вещи мустьерского времени (скребла, двойной остроконечник и др.), а также кости дикого осла и бизона. Иными словами, данные стратиграфии свидетельствовали о ненарушенности культурного слоя. Кроме того, сами кости ребенка имели такой же желтый цвет и такую же «ожелезненность», как и кости животных, добытые из того же слоя. Поскольку следов могильной ямы найти не удалось, необходимо было выяснить, каким образом погребли усопшего.

М. М. Герасимов и А. А. Формозов считают, что в данном случае яму для умершего не выкапывали: уложив его на месте погребения, родичи просто присыпали тело собранной вокруг землей³². Аналогичное объяснение дает и А. П. Окладников, исследовавший погребение неандертальского мальчика в гроте Тешик-Таш в Узбекистане³³.

Вопрос о том, совершались ли в мустьерское время захоронения или же умерших без всякой заботы, не прикрывая землей, оставляли на месте тут же покидаемой стоянки, до сих пор вызывает горячие споры среди ученых. Однако все больше и больше становится сторонников того, что уже у неандертальцев существовали какие-то способы погребения, т. е. примитивные погребальные обряды, а стало быть, и соответствующие представления о смерти.

Об этом говорят, например, результаты раскопок в Ираке³⁴, заслуживающие того, чтобы сказать о них несколько слов.

В 1960 г. на севере страны, в глубине пещеры Шанидар, археолог Ральф Солецки раскопал погребение неандертальского охотника. Исследователь взял образцы почвы из погребения и вокруг него и отослал во Францию в лабораторию Музея человека. Результаты получились совершенно неожиданные: оказалось, что в погребении множество пыльцы растений, обладавших яркими цветками. К удив-

лению исследователей, пыльца залегала в виде отдельных скоплений, причем сохранились и остатки самих цветков, видимо, содержащих эту пыльцу. В такой кучности и последовательности ее не могли отложить ни ветер, ни птицы. Напрашивался, естественно, вывод: на тело и в могилу умершего были возложены при погребении букеты цветов, так, как это и теперь делают на похоронах.

Нелепо восставать против фактов, которые с полной очевидностью показывают: неандерталец был человеком, и, как говорится, ничто человеческое не было ему чуждо. А это значит, что далекий наш предок не только охотился, питался и размножался подобно зверю. Он пристально всматривался в окружающее его и уже как-то пытался размышлять о жизни и смерти. Таковы факты. А ведь еще не так давно сама возможность неандертальских погребений начисто отрицалась учеными, опасавшимися, что из этого якобы должно последовать признание извечности религии³⁵.

Мустьерская эпоха отделена несколькими миллионами лет от той древнейшей, представителями которой были известные нам по школьному учебнику австралопитековые. Люди мустье достигли относительно высокого уровня развития производительных сил, овладели различными техническими приемами обработки камня, умели шить одежду из шкур, строить заслоны перед обжитыми гrotами, а на открытых местах — долговременные жилища из дерева и костей гигантских животных.

Ничего нет удивительного в том, что на этом довольно высоком этапе развития первобытной техники, хозяйства, культуры возникает и нечто вроде почитания умершего, во всяком случае — погребального обряда. В обряде этом проявлялись такие естественные человеческие черты, как любовь к себе подобному, забота о скончавшихся родичах и соплеменниках.

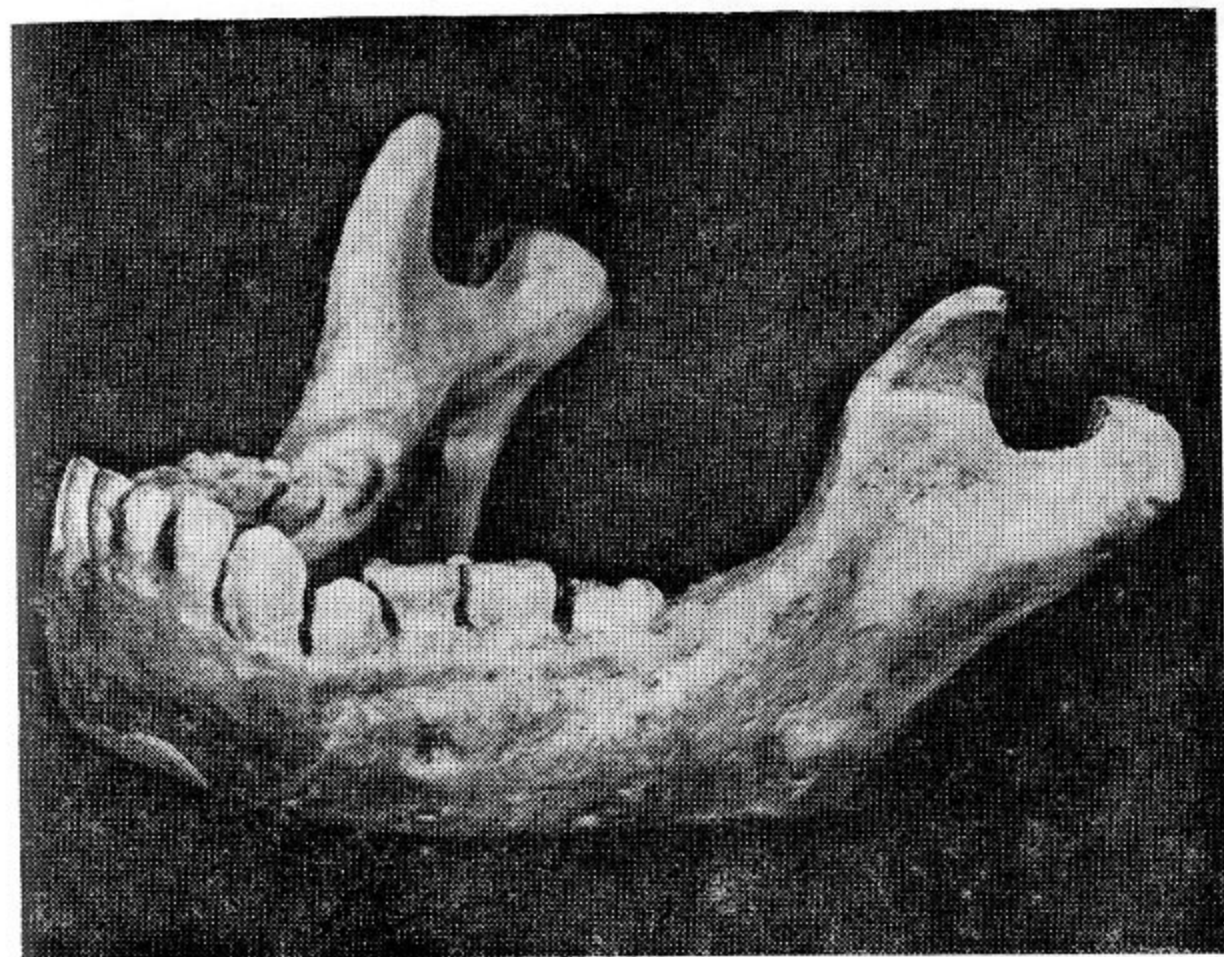
Все приведенные здесь факты, как и новые данные,

полученные у Белой скалы, наводят на мысль о том, что в эпоху мустье погребальный обычай мог существовать повсеместно.

После находки старосельского погребения прошло двадцать лет. 13 августа 1973 г. Крымская палеолитическая экспедиция Института археологии АН УССР обнаружила на мустьерской стоянке Заскальной VI еще одно детское погребение. Открытию погребения предшествовали находки в 1970 и 1972 гг. отдельных человеческих костей неандертальцев — взрослого и подростка.

Первая из них — обломок затылочной части черепа — извлечена была из траншеи, заложенной на склоне под стоянкой Заскальной V. Эта кость оказалась на глубине 70 см от современной поверхности среди многочисленных обработанных кремней, смешанных с костями животных³⁶. Из небольшой по площади траншеи добыто несколько сотен кремневых орудий — острокопечников, ножей, скребел и костные остатки мамонта, дикой лошади, осла, сайги, благородного оленя, первобытного быка. Человеческая кость, залежавшая в делювиальных суглинках, имела такой же желтый цвет, как и кости ископаемых животных. По предварительному определению, обломок черепа принадлежал взрослой женской особи. Несмотря на небольшие его размеры, все же удалось выявить ряд особенностей, свойственных черепам неандертальцев. К ним относится, прежде всего, большая толщина костей черепа.

Обломок черепа, как и весь костный и кремневый материал, попал в траншею в результате размыва культурных слоев стоянки Заскальной V. Судя по всему, обломок этот относится к разрушенному погребению на стоянке. Разумеется, установить, с каким именно культурным слоем Заскальной V было оно связано,

Реконструкция нижней челюсти неандертальца со стоянки Заскальной VI.

не представлялось возможным: на склоне весь материал находится в смешанном состоянии.

Еще интересней находка из третьего культурного горизонта Заскальной VI³⁷. Извлекли ее при раскопках в самом центре мустьерского поселения, на глубине примерно 180 см от современной поверхности. Находка эта — часть левой половины человеческой нижней челюсти с тремя зубами, 14 отдельных зубов, несколько мелких обломков нижней же челюсти и 8 фрагмен-

гов пястных костей и фаланг пальцев руки. Все эти кости залегали довольно компактно — в радиусе 40 см. Вокруг и рядом с ними обнаружены кремневые изделия и кости ископаемых животных. В числе археологических уникалов — целый двусторонне обработанный наконечник копья (о нем речь шла в предыдущей главе).

Костные остатки были переданы в Институт антропологии при Московском университете, где искусные руки реставратора М. Н. Елистратовой совершили чудодейственную «операцию» — полную реконструкцию челюсти. В 1973 г. внимание участников IX Международного конгресса антропологических и этнологических наук в Чикаго привлек ее муляж, который демонстрировал профессор В. П. Якимов.

На челюсти, найденной у Белой скалы, нет подбородочного выступа, отчетливо наблюдаются характерные для неандертальцев (и еще более — для древних архантропов) положение и форма клыков и резцов. По ряду признаков крымская находка сходна с челюстью из грота Тешик-Таш в Узбекистане, но отличается от аналогичной части головы палеоантропов Передней Азии³⁸.

О возрасте индивида антропологи судят по наличию, сформированности и степени прорезывания зубов, состоянию жевательной поверхности коронок. Все это позволяет заключить, что обладателю челюсти было 10—12 лет. Предполагается также, что она принадлежала девочке. На такую мысль наводят небольшие размеры челюсти, относительно некрупные зубы, меньшая массивность по сравнению с челюстью тешикташского мальчика-неандертальца³⁹.

Вернемся, однако, к главной находке — детскому погребению. Всего полтора метра отделяли его от места, где обнаружена челюсть; залегал костяк чуть ни-

же третьего культурного слоя, на глубине около двух метров от современной поверхности⁴⁰.

Как водится, к Белой Скале съехалась комиссия ученых из Москвы, Ленинграда, Киева. Член-корреспондент АН УССР С. Н. Бибилов (глава комиссии), профессор В. П. Якимов, академик АН УССР И. Г. Пидопличко, археологи-палеолитоведы В. П. Любин и С. В. Смирнов собрались на консилиум «у ног» неандертальца.

После подробного объяснения руководителя раскопок комиссия тщательно, сантиметр за сантиметром, проанализировала стратиграфию культурных слоев раскопа и пришла к единодушному заключению о подлинности неандертальского погребения. В этом случае нельзя было не обратить внимания на необычайно удачные, можно сказать, уникальные условия его залегания.

Если для многих известных неандертальских погребений в Советском Союзе и за рубежом проблема № 1 — датировка, то на стоянке Заскальной VI именно это и не вызвало никаких затруднений: археологическая ситуация была предельно ясной. Дело в том, что на вышележащем втором мустьерском слое покоился огромный блок обвалившегося еще в древности козырька навеса. Погребение находилось в центре и ниже под козырьком, будучи как бы зажато в каменной броне: сверху — упавшим лотком, а снизу — скальным дном навеса.

Погребение сохранилось не полностью. Горизонтально и в анатомическом порядке лежала на желтом детритовом песке стопа со всеми фалангами пальцев и часть берцовой кости, под ней несколько костей от второй стопы. Рядом — фрагмент бедренной кости. Затем четко обрисовывалось темное пятно округлых очертаний. «Не могильная ли яма?» — мелькнула мысль.

При расчистке пятна были обнаружены в несколько смещенном положении некоторые кости верхней части скелета: фаланги ки-

сти и лучевая кость руки, ключица, ребро и обломки других ребер, а также фрагменты позвонков, таза и пр. Черепа же не оказалось. Предполагать, что он разрушился на месте, оснований нет, так как в этом случае могли сохраниться хотя бы зубы.

Вероятно, немалое время спустя после погребения верхняя часть скелета потревожена при рытье небольшой ямы, поначалу принятой нами за могильную. Глубина ее была всего 22 см, если судить по стратиграфии поперечного погребению среза детритовой толщи, в которой залегали кости.

О погребении, т. е. о способе захоронения, можно предположить следующее. Умершего положили наземь под сводом навеса в слегка скорченном состоянии, на левом боку. Головой он был обращен на юг, ногами на север — перпендикулярно к выходному отверстию грота. Затем тело присыпали песком, взятым здесь же.

Итак, мы рассказали — весьма бегло, сообразно с возможностями данной книги, — о крымских палеоантропах. Скажем два слова и о важности данных, добытых археологами у Белой скалы, об их значении для истории человека того времени, которое еще сравнительно недавно именовалось «доисторическим».

В начале шестидесятых годов, говоря об исследовании захоронений палеоантропов, академик А. П. Окладников отмечал: «Находки такого рода драгоценны тем, что могут бросать свет не только на физический тип людей столь отдаленного времени, но и на их сознание, на их идейный мир»⁴¹.

Останки неандертальцев в руках исследователя — бесценный материал для решения многих проблем, связанных с происхождением современного человека, развитием его мышления, осознанием своей человеческой роли в окружающем его мире. Нет сомнения, что и костные остатки древних обитателей Белой скалы немаловажны для разработки этих проблем, особенно погребение ребенка со стоянки Заскальной VI. На вопросы кор-

респондента газеты «Правда» профессор В. П. Якимов ответил: «Погребению около 50 тысяч лет. Находка — еще одно подтверждение того, что Крымский полуостров был заселен в начале каменного века. И, наконец, она, безусловно, интересна для изучения проблем эволюции человека»⁴².

Сегодня наука располагает данными о более чем ста индивидах палеоантропов из различных областей Европы, Африки и Азии. Благодаря этим находкам и, само собой разумеется, массовому археологическому материалу мы можем судить о физическом облике древнего человека, его быте, мировоззрении, духовной культуре.

Выше говорилось, что наука уже накопила достаточно фактов, свидетельствующих в пользу сознательного захоронения умерших в мустьерскую эпоху. У нас и за рубежом появился ряд сводных работ, обобщающих данные об условиях залегания, о том или ином положении и ориентировке ископаемых человеческих костей, которые признаются за погребение неандертальцев. В одной из своих работ А. П. Окладников говорит об известной закономерности в расположении мустьерских погребений. Например, большинство из них ориентировано головой на восток — у нас в Киик-Кобе и Тешик-Таше, в Ла Ферасси VI (во Франции), Спа I и II (в Бельгии). В ряде случаев погребенные лежали на правом боку, в других — на спине, два случая регистрируют положение на левом боку (детские костяки из Киик-Кобы и Заскальной VI). Зафиксированы также различные положения рук и ног погребенных.

«Характерно при этом, что одинаковая ориентировка костяков и одинаковое их положение наблюдаются независимо от территории как в Западной Европе, в Крыму, так и Палестине», — пишет А. П. Окладников, отмечая, что все они обращены головой на восток или на запад.

Возможную причину такой ориентации он усматривает в том, что покойники лежат всегда поперек гротов, а гроты открыты преимущественно на солнечную сторону. Совпадения в положении костяков и особенно в их ориентировке указывают, по мнению ученого, «на какие-то общие черты мустьерских захоронений, связанные с отношением людей того времени к мертвым и с их представлениями о смерти»⁴³.

К сожалению, для серьезных обобщений пока маловато самого материала — археологических фактов. Но все же на крымской земле можно уже проследить черты, не свойственные мустьерским погребениям других территорий. Так, погребение в Староселье не скорченное, а с вытянутыми ногами; погребенный лежал не поперек, а вдоль входной стороны навеса.

Что касается детского погребения на стоянке Заскальной VI, то и оно выходит за рамки обычая, отмеченного А. П. Окладниковым. Напомним: положение погребенного не поперек, а вдоль навеса, строгая ориентировка головой на юг.

Как видим, три крымских детских захоронения, с одной стороны, не соответствуют схеме А. П. Окладникова, а с другой — не лишены известного единства в расположении костяков. По-видимому, явление это не случайно и может рассматриваться как специфичное для детских погребений Крыма времени мустье. Хороня взрослых, мустьерцы, вероятно, тоже следовали каким-то установившимся обычаям, но и это только предположение, еще не подкрепленное достаточно вескими доказательствами.

В так называемом аккайском мустье, как и в любой другой археологической культуре, традиции, вероятно, были устойчивыми не только в области кремневой индустрии, в способах добывания пищи, но и в погребальном обряде. Правда, на примере одного захоронения трудно

сказать что-либо определенное. Необходимо открытие и скрупулезное изучение большего числа таких погребений. Без этого проблема проблем истории первобытного общества — вопрос о формировании социально-экономических отношений и идеологии — остается, увы, *terra incognita*.*

* Земля неведомая (лат.).

Открытия у Белой скалы были оценены учеными уже в первые годы работы Крымской палеолитической экспедиции. С. Н. Бибилов на страницах журнала «Советская археология» писал: «...уникальность местонахождений у Заскального, поражающая многочисленностью пунктов и собранного на них материала, сосредоточенного на очень ограниченном участке протяженностью всего в 3 км, потребует еще своего объяснения. Пока же можно констатировать на основании многослойности основного поселения и раз-

нородности собранного материала его большой хронологический диапазон, а также, по-видимому, исключительность расположения заскальненских местонахождений в смысле обеспеченности их охотничьими ресурсами. Выдающееся значение открытий в Заскальном для проблемы времени и путей заселения юга СССР, для уточнения хронологической и культурно-исторической характеристики эпохи мустье трудно переоценить»⁴⁴.

Теперь пришло время все это суммировать, подвести окончательный итог — *summa summarum*.

Отметим еще раз большое скопление мустьерских местонахождений в одном микрорайоне — 17 стоянок и поселений! Получается целый «куст» памятников, которые вносят свои коррективы в картину расселения палеоантропов в Крыму, а стало быть, и в соответствующие палеоэкономические исчисления.

Если раньше академик П. П. Ефименко, опираясь на данные археологических источников 50-х годов писал о «мелких, изолированных и раздробленных охотничьих группах», которые вели «бродяжнический образ жизни»⁴⁵, то теперь на примере памятников Белой скалы можно говорить о сосредоточении в одном месте относительно больших коллективов охотников, об их связях и взаимоотношениях в течение длительной совместной жизни. А это могло приводить и к возникновению локальных вариантов культуры.

Выделение культур в раннем палеолите — дело новое, и в специальной литературе сказано на сей счет немного. Впрочем, строки одного из определений культуры (его автор — видный палеолитовед В. Н. Гладышев) стоит привести полностью: «...археологические культуры в мустьерскую эпоху — это такие группы одновременных или разновременных, но генетически связанных памятников, которые расположены на одной сравнитель-

но небольшой территории и имеют значительную степень сходства между собой в наборе изделий, прежде всего, в специфических формах и неповторимых в других комплексах совокупностях тех или иных обычных типов инвентаря, относящихся к одному или нескольким близким типам индустрии единого варианта»⁴⁶.

Итак, необходимо определить, в какой степени материалы поселений Белой скалы соответствуют приведенным выше признакам культуры. Да не посетует читатель на некоторые неизбежные повторения отдельных выводов, сделанных нами в предыдущих разделах. Думается, не будет преувеличением сравнить подобное суммирование с лучами света, собираемыми в единый пучок для более рельефного освещения предмета.

Раскопками у Белой скалы выявлены культурные слои, при сопоставлении которых наблюдается сходство в наборе обычных типов орудий и близкие проценты специфических форм. Особого упоминания заслуживают разновременные памятники-поселения Заскальной V и Заскальной VI: здесь культурные слои четко залегают один над другим. Любопытно, что между многими слоями обеих стоянок хорошо прослеживается генетическая связь, т. е. сходство кремневого инвентаря по типологии и технике изготовления и вместе с тем, если идти от слоя более раннего к более позднему, — признаки развития и усовершенствования орудий.

В выделении любой культуры эпохи мустье главенствующее место занимают специфические типы орудий. К слову сказать, о них, как и о мустьерской культуре вообще, написано мало. Однако, видимо, не приходится сомневаться, что только специфические орудия являются «основными показателями сходства или различия памятников»⁴⁷, «основным инструментом при решении культурно-генетических вопросов»⁴⁸. Подтверждение тому, на

наш взгляд, достаточно убедительное, — находки у Ак-Кая. Убедительное — потому что специфических орудий здесь много. В главе «Камень для руки» о некоторых из них мы говорили. Остается лишь добавить, что всего на данном этапе исследования выделено восемь типов: ножи аккайского типа, ножи типа Клаузеннише, Бокштайн, Прондник, полудисковидные, треугольные, сегментовидные и ножи с ручками.

Чем же вызвано такое обилие специфических форм? Вопрос далеко не прост.

При изучении орудий из мустьерских коллекций Приазовья Н. Д. Праслову удалось выделить небольшие серии или единичные экземпляры специфических изделий. В результате установилось мнение, что специфические типы орудий вообще редки в эпоху мустье. Опираясь на этот факт, исследователь приходит к выводу: «Заимствовалось только действительно ценное изобретение; специфические формы не получили широкого распространения, поскольку они всегда играли подчиненную роль. Вот в чем кроется, видимо, причина быстрого и широкого распространения по-настоящему прогрессивных приемов в технике расщепления камня и в технике изготовления орудий»⁴⁹.

Так ли это? Вывод, на наш взгляд, слишком категоричен. Наличие на том или ином мустьерском поселении специфических типов орудий наверняка ведь зависело от места, где оно находилось, — в центральном ли районе территории, занимаемой данной мустьерской культурой, или на ее периферии. Так, например, в центре, каким несомненно является Белая скала, с ее долговременными поселениями и огромным количеством кремневого инвентаря, специфических орудий будет больше, чем поодаль от этого центра. В силу недостаточной изученности — в плане археологическом — восточного Крыма трудно

сейчас указать все те периферийные стоянки, которые могли бы оконтурить границу распространения аккайского варианта мустьерской культуры. Известны лишь отдельные памятники. Например, крайний западный пункт — это поселение Чокурча, на юго-западе — Чагорак-Коба, в южном направлении — по-видимому, Аджи-Коба (нижний слой). Таким образом, от наиболее удаленной западной границы до центра аккайской культуры около 50 км. В будущем предстоит еще найти, или, как говорят археологи, раскрыть мустьерские памятники этой культуры на восток и на север от Ак-Кая.

Три названных выше памятника в большей или меньшей степени относятся к аккайской культуре (в меньшей — Аджи-Коба, Чагорак-Коба, поскольку в их слоях скуден каменный инвентарь). Выделяется в этой группе Чокурча. Какие свойственны ей специфические признаки? Традиционное применение плитчатого кремня, большой удельный вес двусторонне обработанных орудий, присутствие таких «аккайских» форм, как треугольники и сегменты, ножи типа Клаузеннише.

Нельзя не упомянуть найденное недавно среди небольшой чокурчинской коллекции специфическое для аккайской культуры орудие — нож с ручкой. Орудие это по форме, размерам и технике обработки настолько сходно с аналогичным из первого слоя Заскальной V, что невольно возникает мысль: не один ли мастер изготовил оба ножа? Таким образом, лишний раз подтверждается причастность Чокурчи к аккайской культуре.

Разумеется, все перечисленные факты для доказательства однокультурности памятников должны рассматриваться в комплексе, ибо единичный факт — всего лишь единичный факт. Недостаточно для определения культуры и какого-то одного признака, пусть даже очень важного, например, большого количества орудий, изго-

товленных в технике двусторонней обработки. Подобное явление — обилие двусторонне обработанных изделий — характерно в равной мере для стоянок Белой скалы и антоновских, что вовсе не означает тождественность культур.

Однако вернемся к прерванному разговору о специфических орудиях и их роли в эпоху мустье.

Как уже отмечалось, на стоянках Белой скалы нам удалось выявить множество разнообразных специфических форм. Все восемь выделенных специфических типов орудий изготовлены в технике двусторонней обработки. В свою очередь большая их часть (5 из 8) подразделяется на ряд подтипов — в зависимости от расположения и величины площадки для упора руки или оформления ручки. Четыре из восьми наименований, т. е. половину объединяет общий для них признак — наличие четко сработанной площадки для упора руки (аналогии — ножи Клаузеннише, Бокштайн, Прондник, полудисковидные). Специфические орудия Белой скалы, объединенные этим признаком, получили широкое распространение и играли в аккайской культуре не подчиненную, а ведущую роль. Признак этот проходит красной нитью через всю кремневую индустрию культуры, он присущ не только орудиям двусторонней обработки, но и односторонней.

Отсюда следует, что аккайские мастера достигли больших успехов, что их приемы расщепления камня и техника изготовления орудий были по-настоящему прогрессивными. И, что немаловажно, ценным изобретением аккайцев в первую очередь надо признать именно специфические типы орудий.

Само слово «специфика» (*specificum* — по латыни «особый») говорит о том, что определенные черты присущи только данному предмету или явлению. В нашем

случае это особые черты одной из археологических культур мустьерского времени. Основой же для ее выделения служат специфические типы каменных орудий.

Определяя специфические формы как ценное изобретение, вовсе не следует думать, что распространялись они безмерно широко, что их заимствовали прочие мустьерские культуры. Распространение специфических форм не могло принять глобальный характер. Как раз напротив: возникнув в центре определенной ярко выраженной мустьерской культуры, они из поколения в поколение передавались только соплеменникам — носителям данной культуры и, надо полагать, сохранялись ими в тайне. Такое случалось и в последующие эпохи. Вспомним, к примеру, как отдельные изобретения (чернолаковая керамика, дамасская сталь и др.) исчезали навеки вместе с хранителями производственных секретов.

Что же касается таких орудий, как обычные равнобедренные остроконечники, простые односторонние скребла и т. п., то они действительно представлены во многих разнотипных памятниках широчайшей мустьерской ойкумены*. Бытование их отмечается повсеместно и на протяжении всей мустьерской эпохи. И возникли они, по всей вероятности, конвергентно, т. е. параллельно и независимо на территориях, удаленных и изолированных друг от друга. К тому приводил примерно одинаковый уровень первобытного хозяйства и техники.

Эти «ординарные» орудия еще сравнительно недавно были тормозом в выявлении локальных различий между памятниками мустье, препятствовали прослеживанию всего многообразия мустьерских индустрий. Устанавливая сходство подобных орудий на различных, удаленных друг от друга территориях, палеолитоведы приходили к

* Ойкумена — область расселения (греч.).

выводу об однородности культуры того времени. Лишь стремительное развитие за последние 20 лет науки о палеолите у нас и за рубежом позволило отказаться от устаревших, ошибочных представлений.

Своим продвижением вперед палеолитоведение обязано внедрению новых методов исследования. О типолого-статистическом методе, созданном французскими археологами, читатель уже знает. Существенные поправки в типологические исследования (с учетом специфики кремневых комплексов Восточной Европы) внесены учеными нашей страны.

Все большее применение в палеолитоведении находят методы геологический, палеонтологический, радиоуглеродный, термолюминесцентный и другие. Большинство из них еще далеки от совершенства, нуждаются в постоянной корреляции и улучшении. Возьмем, к примеру, радиоуглеродный (радиоуглеродный), используемый для абсолютной датировки памятников. Увы, пригоден он при условии, что памятнику не более 50 тысяч лет.

При исследовании памятников палеолита у Белой скалы испробованы многие из названных методов. Для термолюминесцентного исследования из каждого культурного слоя Заскальной V отбирались образцы сильно обожженных кремней с тем, чтобы по ним установить абсолютный возраст слоев. Однако метод пока «не сработал».

Более эффективны методы, дающие относительную хронологию, — стратиграфический (последовательное залегание культурных слоев), типологический, палеонтологический и другие, но полученные с их помощью результаты не могут нас полностью удовлетворить. Необходима абсолютная хронология! Та, единственная, которая может выразиться в датах солнечных лет нашего современного календаря.

Неразработанность абсолютной хронологии, этой ахиллесовой пяты палеолитоведения, остро ощущается и в изучении мустьерских памятников Белой скалы. Вот почему продолжение археологических исследований в этом районе предусматривает применение одного из методов абсолютной хронологизации — так называемого палеомагнетического. Трудно, конечно, предугадать, каковы будут результаты, однако надежды палеолитоведов велики. Речь идет об исследовании древних почв, которые в зависимости от «возраста» обладают различными магнитными свойствами.

Экспедиции, работающей у Белой скалы, предстоит, выражаясь языком археологов, доследовать старые памятники и коснуться лопатой тех, которые разведаны, но не подвергались раскопкам. Естественно, будут добыты новые, наверняка богатые археологические материалы. Само собой, не обойдется и без новых проблем, недоуменных вопросов. Их решение — и ныне и впредь — немыслимо без комплексного подхода к памятникам, без привлечения к археологии методов естественных наук. При соблюдении этих важнейших условий, по существу, условий элементарных, можно будет создать полнокровную реконструкцию аккайского мустье — древнейшей в Крыму культуры первобытного человека.

¹ П. Д. Подгородецкий, Ю. Г. Колосов, В. П. Душевский. Современные и эпохи мустье природные условия района Ак-Кая в Крыму. В сб.: «Материалы по четвертичному периоду Украины», Киев, 1974, стр. 427.

² В. П. Душевский, Ю. Г. Колосов. До питання відновлення природних укриттів над муст'єрськими стоянками Заскельна V та VI. Археологія, № 19, 1975.

³ С. М. Бібіков, Г. А. Бонч-Осмоловський. Нарис діяльності. Археологія, № 3, 1971.

⁴ Н. Л. Эрнст. Раскопки палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ), т. III (60), Симферополь, 1929, стр. 188—190; Его же. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму. Труды II конференции по археологическому изучению четвертичного периода Европы, вып. V, М.—Л., 1934, стр. 184—206; Его же. Люди каменного периода в Крыму. Симферополь, 1930; С. И. Забнин. Неоткрытая палеолитическая стоянка в Крыму. ИТОИАЭ, т. II (59), Симферополь, 1928, стр. 146—157; Ю. Г. Колосов. Неопубликованные кремневые орудия из грота Чокурча в Крыму. Краткие сообщения Института археологии АН СССР, вып. 9, 1960.

⁵ О. Н. Бадер. Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего грота в Крыму. Вестник древней истории (ВДИ), 1939, № 1; Е го же. Исследование мустьерской стоянки у Волчьего грота. Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, вып. VIII, № 1, 1939; Е го же. О мустьерской стоянке у Волчьего грота. ВДИ, 1940, № 2.

⁶ А. А. Формозов. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА), № 71, М., 1958.

⁷ Ю. Г. Колосов. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 г. Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР, вып. 4, 1957, стр. 82.

⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма. Вып. I. Грот Киик-Коба. М.—Л., 1940, стр. 5.

⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Ук. соч.

¹⁰ В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. Палеолит и неолит СССР. МИА, № 131, М.—Л., 1965, стр. 38; Ю. Г. Колосов. Шайтан-Коба — муст'ерська стоянка Криму. Київ, 1972.

¹¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 117.

¹² А. П. Черныш. Ранний и средний палеолит Приднестровья. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, вып. XXV, М., 1965.

¹³ В. П. Любин. О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба. Советская археология (СА), № 2, стр. 244—246.

¹⁴ В. И. Ленин. Аграрный вопрос и «критики Маркса». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 103.

¹⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 486.

¹⁶ В. Н. Гладилін. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР. Доклады и сообщения на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков, М., 1965.

¹⁷ А. А. Формозов. Ук. соч.

¹⁸ В. И. Бибилова, Ю. Г. Колосов. Фауна пещеры Темной. Природа, 1958, № 3.

¹⁹ И. Г. Пидопличко. Нахождение «смешанной» тундровой и степной фауны в четвертичных отложениях Новгород-Северска. Природа, 1934, № 5.

²⁰ Н. В. Раков. Возможные причины изменений численности

сайгаков в палеолите Крыма. В сб.: «Природная обстановка и фауны прошлого», вып. 1, М., 1963.

²¹ П. И. Кульпин. Джейраны и сайга в пустыне Бетпак-Дала. Природа, 1954, № 4.

²² Э. Н. Патнем. Восемь лет среди пигмеев. М., 1961, стр. 100.

²³ Л. Н. Соловьев. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухуми, 1971, стр. 45.

²⁴ Г. А. Бонч-Осмоловский. Ук. соч., стр. 121.

²⁵ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 40.

²⁶ В. Н. Гладилін. О двух культурных регионах в мустье Крыма. Тезисы пленарных и секционных доповідей. Одеса, 1972, стр. 56—57; Е го же. Антоновская мустьерская культура и ее место в раннем палеолите Восточной Европы. Автореферат диссертации. Л., 1974.

²⁷ Ю. Г. Колосов. Шайтан-Коба..., стр. 138—150.

²⁸ П. В. Федоров. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. Труды Московского геологического института, вып. 88, М., 1963, стр. 130.

²⁹ С. Н. Бибилов. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита СА, 1959, № 4; Е го же. О первичном заселении Восточной Европы. Краткие сообщения Института археологии АН УССР, вып. 11, К., 1961; Е го же. О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита. Четвертичный период, вып. 13, 14, 15, К., 1961; В. М. Гладилін. До питання про час і шляхи первісного заселення людиною території України. Український історичний журнал, 1969, № 10; Е го же. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.

³⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский. Ук. соч., стр. 169.

³¹ Там же, стр. 146.

³² А. А. Формозов. Пещерная стоянка..., стр. 61—75.

³³ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. В сб.: «Тешик-Таш. Палеолитический человек», М., 1949.

³⁴ George Constable. The Neanderthals. New York, 1973, p. 121.

³⁵ М. С. Плисецкий. О так называемых неандертальских погребениях. Советская этнография (СЭ), 1952, № 2.

³⁶ Ю. Г. Колосов. Багатошарова муст'ерська стоянка Заскельна V. Археологія, № 3, 1971.

³⁷ Ю. Г. Колосов. Палеоантропологические находки у скалы Ак-Кая. Вопросы антропологии, вып. 44, 1973.

³⁸ Ю. Г. Колосов, В. П. Якимов, В. М. Харитонов. Новые находки неандертальцев в Крыму. Природа, 1974, № 4; Ю. Г. Колосов, В. М. Харитонов, В. П. Якимов. Открытие скелетных остатков палеоантропа на стоянке Заскальная VI в Крыму. Вопросы антропологии, вып. 46, М., 1974.

³⁹ Там же, стр. 84—85.

⁴⁰ Ю. Г. Колосов. Работы Крымской палеолитической экспедиции. Археологические открытия 1973 года, М., 1974; Его же. Крымская палеолитическая экспедиция. Археологические открытия 1974 года, М., 1975.

⁴¹ А. П. Окладников. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры. СЭ, 1952, № 3, стр. 159.

⁴² Е. Фадеев. Находка археологов. «Правда», 1973, 12 ноября

⁴³ А. П. Окладников. О значении..., стр. 167.

⁴⁴ С. Н. Бибиков. Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма. СА, 1971, № 4, стр. 14.

⁴⁵ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 244—245.

⁴⁶ В. Н. Гладиллин. Проблемы..., стр. 116.

⁴⁷ Н. Д. Праслов. Ранний палеолит северо-восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968, стр. 141.

⁴⁸ В. Н. Гладиллин. Проблемы..., стр. 90.

⁴⁹ Н. Д. Праслов. Ук. соч., стр. 142.

СОДЕРЖАНИЕ

У колыбели племен	10
Обжитые пещеры	12
Предшественники Прометея	22
Ключ к проблеме	28
Мустьерский «город»	33
Охотники Белой скалы	48
Исчезнувшие животные	50
Камень для руки	56
Лик неандертальца	69
Summa summarum	82
Литература и источники	91

Юрий Георгиевич Колосов

БЕЛАЯ СКАЛА

Серия „Археологические памятники Крыма“

Общественный редактор
О. И. Домбровский
Редактор издательства
С. К. Сосновский
Художник Н. Г. Чайка
Художественный редактор
П. Е. Мальцев
Технический редактор
Н. Д. Крупская
Корректор С. А. Павловская

ИБ № 90

Сдано в набор 26.V 1976 г. Подписано к печати 8.II 1977 г. БЯ 03057. Бумага типографская № 1. Формат 70×108¹/₃₂. Объем: 3,0 физ. п. л., 4,20 усл. п. л., 4,18 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 68. Цена 28 коп.

Издательство «Таврия», Симферополь, ул. Горького, 5.

Типография издательства «Таврида» Крымского обкома Компартии Украины. Симферополь, проспект Кирова, 32/1.

МУСТЬЕРСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА

- ▲ - стоянки с выраженным культурным слоем
- △ - места находок кремней с фаунистическими остатками
- △ - единичные находки обработанных кремней

28 коп.

